

ВЕЧНОСТЬ И РЖАВАЯ ТЕЛЕГА

Пьеса в трех актах.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

МУЗЫКАНТ, гей и философ. Лет 30-35

ИДИОТ, умственно отсталый парень

ПРОФЕССОР, физик, старший среди всех.

НАДЗИРАТЕЛЬ, ровесник музыканта, здоровый накачанный мужик, сильный и выносливый

ШЛЮХА, потасканная девчонка лет 20, худая и высокая.

БЕРЕМЕННАЯ, женщина лет 30.

ГОЛОС ИЗ ДИНАМИКОВ ПЕРЕД НАЧАЛОМ СПЕКТАКЛЯ:

ВСЕ СОБЫТИЯ И ПЕРСОНАЖИ ЭТОЙ ИСТОРИИ ВЫМЫШЛЕНЫ. ГОРОД, СТРАНА И МИР, В КОТОРЫХ ПРОИСХОДИТ ДЕЙСТВИЕ, ТАКЖЕ ПРИДУМАНЫ АВТОРОМ... В ПРИСТУПЕ БЕЛОЙ ГОРЯЧКИ. ЛЮБОЕ СХОДСТВО ЯВЛЯЕТСЯ СЛУЧАЙНЫМ СОВПАДЕНИЕМ.

ГДЕ-ТО В ПАРАЛЛЕЛЬНОЙ ВСЕЛЕННОЙ, НА ПЛАНЕТЕ ЯЛМЕЗ (прим. от авт. – ЗЕМЛЯ наоборот), физические условия, законы и история которой по чистой случайности совпадают с земными.

Пока занавес еще не успел раскрыться, на сцене натянута белое полотно. На него выводится видео проекция. Это короткие зарисовки из жизни персонажей, их предыстория. Из этих сюжетов стновится понятно, чем герои занимались, чего боялись и чего страстно желали. Но самое главное, в финале каждого сюжета мы видим, чем герой занимался накануне, перед тем, как стать действующим лицом нашей истории.

Такое же полотно натянута на самой сцене, за героями. На него всегда дублируются мелкие детали и нюансы в отношениях персонажей, трудноразличимые с последних рядов. Занавес открывается. В кромешной темноте сценического пространства появляется гигантская телега, состоящая из нескольких разных по величине блоков.

На платформе неподвижно застыли шестеро. Все смотрят в одну сторону – туда, где темноту ритмично пронзают отрывистые вспышки не то салюта, не то расставленных в неровную линию разрывающихся бомб.

ПРОФЕССОР Вот, кажется, и все. Кончился мир.

МУЗЫКАНТ А где же тогда мы?

НАДЗИРАТЕЛЬ Сидел у меня в четвертой камере один такой – Философ. Прямо как вы, ага. Все про пространство-время рассуждал. Кто мы и откуда? 38 трупов. Любил докопаться до сути.

ПРОФЕССОР В камере? Вы что – надзиратель?

НАДЗИРАТЕЛЬ Так точно, папаша. Что ты мне выкаешь, я тебе в сыны гожусь.

МУЗЫКАНТ В такие моменты понимаешь, что посадить дерево и построить дом достаточно.

НАДЗИРАТЕЛЬ Оскорбить меня хотел, голубок?

Надзиратель угрожающе надвигается на музыканта.

МУЗЫКАНТ (в зал) я труслив и слаб телом. Может, потому и труслив. (надзирателю) Просто неудачная шутка. Расслабься.

НАДЗИРАТЕЛЬ У нас такие через каждые три камеры. Для тех, кто в остальных двух. Специальная порода, ага. Чтоб я в свой адрес больше таких вещей не слышал. (демонстративно крестится, увидев вдали храм)

ПРОФЕССОР Верующий?

НАДЗИРАТЕЛЬ А почему мы тут, думаешь, оказались?

ИДИОТ Потому что я не те грибы собрал.

Все смеются.

ШЛЮХА Это точно!

ИДИОТ Я гулял по лесу. Мама сказала, собери грибов вот таких, белого цвета. Я принес зеленых и сварил. Мама съела и улетела навсегда. Она расстроилась и посадила меня на корабль. На корабле я нашел друзей.

ШЛЮХА Это телега.

Профессор едва заметно бьет ее в бок.

Повисает тягостная тишина.

ШЛЮХА Мальчики, давайте просто расслабимся и будем получать удовольствие! Каждый день что ли акаплис... плиссис...

ПРОФЕССОР Апокалипсис.

МУЗЫКАНТ Апокалипсис просто создан для удовольствий.

Шлюха пропускает его слова мимо ушей.

ПРОФЕССОР Знаете, что действительно интересно?

ШЛЮХА Что?

ПРОФЕССОР По законам физики мы должны были давно остановиться. Или сорваться отсюда к чертям собачьим, а не расхаживать себе спокойненько, как по дачному участку.

НАДЗИРАТЕЛЬ У бога свои законы.

МУЗЫКАНТ Боже...

ПРОФЕССОР Но эти законы справедливы только в нашей вселенной. Получается, мы находимся в другой.

НАДЗИРАТЕЛЬ А улицы, все эти дома, церкви, станции метро, мимо которых мы несемся? И самое главное - магазин «Морхидея»? с нами сюда перекочевали из старой вселенной, умник?

ПРОФЕССОР Вселенная – это не только то, что ты видишь.

НАДЗИРАТЕЛЬ А что же?

МУЗЫКАНТ Спор козла и капусты. Истина родилась мертвой.

НАДЗИРАТЕЛЬ Что ты сказал?

МУЗЫКАНТ Ничего. Давайте попробуем остановить наш корабль.

ШЛЮХА Это телега.

МУЗЫКАНТ Это я так. Образно.

НАДЗИРАТЕЛЬ Во, дело говорит голубок.

ПРОФЕССОР Концепция, конечно, здравая. Вопрос - как?

ШЛЮХА Может, лучше еще немного подожем? И она как-нибудь сама? Упрется во что-нибудь?

ПРОФЕССОР На такой скорости это что-нибудь нас угробит.

Беременная, молча, свешивает ноги и пытается упереться ими в землю, но дело осложняет то, что земли не видно. Остальная компания тоже пристально всматривается вниз.

Тогда женщина бросает металлическое зеркальце. Звук нет.

ИДИОТ Земля убежала.

Идиот заливисто смеется. Остальным не до смеха.

МУЗЫКАНТ Да, дружок. Ей стало с нами скучно.

ПРОФЕССОР Не может быть! На чем тогда держится все это?! Все эти гребаные улицы, дома, мосты?

МУЗЫКАНТ Профессор, вы же сами сказали, мы ничего не знаем о мире, в котором живем.

ПРОФЕССОР Я такого не говорил! Не извращайте мои слова. Хотя ваш мозг, видимо, так устроен – все извращать.

МУЗЫКАНТ И вы туда же.

НАДЗИРАТЕЛЬ Заткнитесь вы уже, будьте так любезны! Так, Марфуша...

ШЛЮХА Я не Марфуша.

НАДЗИРАТЕЛЬ Итак, Марфуша, ты высокая и худая. Это просто шикардос, я тебе так скажу!

ШЛЮХА Спасибо.

НАДЗИРАТЕЛЬ Профессор, хватай ее справа, я – слева.

ШЛЮХА Что? Зачем это?

НАДЗИРАТЕЛЬ Зеркальце мы могли не услышать, а вот Марфуша не обманет.

ПРОФЕССОР Послушай, я не думаю, что это...

НАДЗИРАТЕЛЬ Делай, что я говорю, старый херес!

Профессор хватается шлюху с одной стороны, надзиратель – с другой, Держа девушку за ноги, они опускают ее вниз. Шлюха при этом истошно вопит.

НАДЗИРАТЕЛЬ Ну что? Есть контакт?

ШЛЮХА Сволочи! Нет ничего! Ничего нет!

МУЗЫКАНТ Отпустите ее. Нужно смириться, что мы черте где и черте когда. Как всегда. И спокойно жить дальше, иногда напиваясь, в отчаянии рожая детей и в отчаянии не рожая их. Как всегда.

НАДЗИРАТЕЛЬ Что ты несешь, идиот?

ИДИОТ Да?

НАДЗИРАТЕЛЬ Да не ты!

ИДИОТ Так меня друзья называют.

ШЛЮХА Хватиииииит!

НАДЗИРАТЕЛЬ Кто? Он (показывает н музыканта) или я?

ШЛЮХА Оба!

Надзиратель с профессором втягивают шлюху обратно на телегу.

ПРОФЕССОР Ну что?

ШЛЮХА Ничего.

НАДЗИРАТЕЛЬ Что – ничего? Это ты так обиделась или там внизу ничего?

ШЛЮХА А ты как думаешь, debil?

ИДИОТ Чего?

ШЛЮХА Да не ты.

ИДИОТ Так меня друзья называют.

ШЛЮХА В печь таких друзей.

НАДЗИРАТЕЛЬ Подруга, ничего личного. Это для общего блага. Никто бы лучше тебя не сделал этого.

МУЗЫКАНТ Да он политик. Никто не знает, что такое общее благо, но все знают, что такое личное несчастье. Политика – это когда отказываться от того и другого – вне закона. (в зал) Но наши политики совсем не такие. Они лучшие в мире и хотят для всех только блага... общего.

НАДЗИРАТЕЛЬ Эй, химик...

ПРОФЕССОР Я физик.

НАДЗИРАТЕЛЬ Один херес. Вот-ка тебе задача, химик: как затормозить эту бандуру, если под нами ничего нет?

ПРОФЕССОР Теоретически, мы можем (решение из курса физики).

НАДЗИРАТЕЛЬ Так чего ж ты молчал, химик?

ПРОФЕССОР Я физик.

НАДЗИРАТЕЛЬ Будешь химиком. Да, Марфуша?

МУЗЫКАНТ Большинство из нас боятся его физической силы. Но дело не только в этом. В конце концов, нас больше. Но когда эти двое держали Марфушу (а ведь это даже не ее имя), ни я, ни беременная, ни дурачок не сделали ничего, чтобы помешать. Мы просто молча согласились с тем, что происходит. Мы зависим друг от друга, и поэтому не доверяем друг другу. Раздвинувшие ноги фанаты собственной слабости, готовые отдаться ей по первому зову. На месте девушки мог оказаться, кто угодно, будь он таким же легким. Или на гораздо худшем месте. Мы испугались, хотя нас пятеро, а он один. Уж как-нибудь да справились бы. Нашелся бы первый, остальные бы подтянулись. Но... тебе что, больше всех надо? Кажется, мы родились с этим вопросом в маленьком беззубом ротике. Вот тебе и национальная идея. Вот она, добровольная слепота. Принцип невмешательства. Одно переходит в другое под давлением обстоятельств. Их единство – залог безопасности. А когда слепота становится необратимой – уже и обстоятельства значения не имеют. Тебе что - больше всех надо? Хотим оставаться чистенькими. Боимся потерять зубы. Но они итак выбиты и аккуратно собраны в чью-то коробочку с надписью «человеческое достоинство». Если бы за ноги подвесили меня, я бы обвинил всех в бездействии, то есть в нашей национальной идее. А потом ожесточился бы и думал, что такова моя месть обществу и системе. И стал бы таким же озлобленным и безразличным, как они. Назло. Но это абсурд! Стать таким же как тот, кого ты презираешь назло ему. Фокус в том, что я уже был таким. И поступил бы так с кем-нибудь другим независимо от обстоятельств.

НАДЗИРАТЕЛЬ Эй, голубок, чего стоишь, в темноту глазеешь? Не слышал, что наш вундеркинд предложил?

МУЗЫКАНТ (В ЗАЛ) Я всегда был таким, поэтому... (надзирателю) Прости, не расслышал.

НАДЗИРАТЕЛЬ Я говорю, шас будем (повторяет профессорское предложение). Нужна твоя, так сказать, мужская сила.

МУЗЫКАНТ По большому счету, это и отличает нас от женщин. Если вдуматься. Общество, где превыше всего ценится сила, обречено навеки быть патриархальным. Но никто никогда не расстроится. Сами женщины утешат и похлопают по плечу.

НАДЗИРАТЕЛЬ Ты меня по себе-то не равняй. И с бабами не сравнивай. Баба она на то и баба, чтоб детей рожать. А мужик... он... мужик! Человек!

МУЗЫКАНТ Мне ближе Платон, чем Аристотель.

НАДЗИРАТЕЛЬ Да у тебя на роже написано, что ты по Платонам по всяким больше.

МУЗЫКАНТ Да при чем тут... а, бесполезно.

ПРОФЕССОР Так, хватит болтовни! Давай-ка, ты сюда, ты вон туда.

НАДЗИРАТЕЛЬ Давай, чего стоишь?!

МУЗЫКАНТ Как скажете, мой капитан.

ПРОФЕССОР Иии, рrrраз!

Телега чуть замедляет ход.

ПРОФЕССОР Ииии, два!

ИДИОТ Ой, в горле червячок! Птичка клювиком – цок-цок!

ШЛЮХА Чего?

Тут острый приступ кашля сражает всю компанию.

ПРОФЕССОР Ииии, три!

Новый приступ удушья сгибает друзей пополам.

ПРОФЕССОР Разгоняйте, разгоняйте ее к чертовой матери! Аaaa! Нельзя, чтобы она остановилась!

НАДЗИРАТЕЛЬ Почему?

ПРОФЕССОР Помрем!

Надзиратель из всех сил старается разогнать телегу, остальные по мере си помогают ему. Прежняя скорость понемногу восстанавливается. Кашель отступает. Друзья, наконец-то, могут вздохнуть полной грудью.

ШЛЮХА Черт, что это было?

ПРОФЕССОР Не знаю. Нужно просто принять новые правила игры. Если эта штука остановится – мы трупы. Какой-то новый вселенский закон.

ШЛЮХА Станный закон.

ПРОФЕССОР Да и вся ситуация несколько нестандартная, не находите?

Надзиратель все это время сидит в дальнем углу, отгородившись ото всех, и грустно смотрит в темноту.

НАДЗИРАТЕЛЬ Одна темень осталась. Города исчезли. Морхидеи больше нет.

МУЗЫКАНТ Бывает узость, бесконечная, как легкие господа – которая зааново вдыхает в тебя жизнь после крушения. Даже Морхидеи нет. А мы - есть! И, может быть, в этом есть какой-то смысл!

НАДЗИРАТЕЛЬ Вот что я думаю. Нас оставили не просто так. Нас выбрали.

ПРОФЕССОР Для чего? И кто?

МУЗЫКАНТ Выбор! Пора это слово отменить, как нелепый пережиток.

НАДЗИРАТЕЛЬ Как – кто? Он!(показывает пальцем наверх)

МУЗЫКАНТ Опять двадцать-пять.

НАДЗИРАТЕЛЬ (злобно глядя на надзирателя) Избрали не всех. Кто-то – залетная птаха.

ПРОФЕССОР Ну, хорошо. Если тебе нравится в это верить.

НАДЗИРАТЕЛЬ Что значит – нравится? Я же не спрашиваю, веришь ли ты, что небо голубое.

ПРОФЕССОР Это спорный вопрос.

НАДЗИРАТЕЛЬ А то, что если тебя столкнуть с телеги – ты больше не сможешь нести всякую ересь – тоже спорный вопрос?

ПРОФЕССОР Ну, хорошо, допустим. Но остается открытым второй вопрос. Для чего?

НАДЗИРАТЕЛЬ Как для чего? Это второй шанс всему человечеству!

МУЗЫКАНТ Человечество - любимое слово депрессивных подростков. Я сам когда-то им был.

ПРОФЕССОР Шанс на что?

НАДЗИРАТЕЛЬ Чтобы исполнить предначертанную нам миссию, ознаменовать новую эру в истории цивилизации – эру... эру...

МУЗЫКАНТ Мне одному кажется, что он слизал свою речь у Гитлера?

НАДЗИРАТЕЛЬ Нормальных людей.

МУЗЫКАНТ Каких? Нормальных? Это и есть твоя идея, Господи?!!!!

Музыкант заходится диким смехом, задыхаясь, опускается на колени. Со стороны его смех больше похож на рыдания.

ШЛЮХА Что это с ним?

НАДЗИРАТЕЛЬ Раскаялся. Тоже хочет стать избранным.

МУЗЫКАНТ Гитлер, чтоб мне! Ааа! Ахххаха!

Идиот тоже пускается на колени и обнимает музыканта.

ИДИОТ Не плачь, сынок, я им так надаю, больше они не будут в тебя бросаться.

Музыкант успокаивается, в нем происходит странная перемена – словно он видит умственноотсталого паренька впервые. В глазах музыканта застывают слезы.

МУЗЫКАНТ Как? И в тебя... тоже?

Музыкант обнимает парня, целует его в лоб, затем отходит вглубь телеги.

НАДЗИРАТЕЛЬ Так вот...

ШЛЮХА Извини, что перебиваю, но я очень хочу писать. И уже давно.

НАДЗИРАТЕЛЬ И что ты предлагаешь?

ШЛЮХА Не могли бы все... отвернуться?

ПРОФЕССОР Кстати говоря, я тоже. И тоже... очень давно.

Беременная снимает с себя шаль и, расправивляет перед шлюхой.

ШЛЮХА Красивая.

Беременная показывает, что шаль нужно использовать, как ширму.

ШЛЮХА Аааа! Спасибо!

Надзиратель берется за один конец, музыкант – за другой, и натгивают полотно, словно ширму. Шлюха и профессор скрываются за ширмой, разойдясь по разным концам телеги.

Шлюха возвращается из-за ширмы.

Надзиратель и музыкант собираются ослабить натяжение.

ПРОФЕССОР Эй, да подождите вы! Это... у вас бумага есть?

НАДЗИРАТЕЛЬ Ага, как раз из дома захватили перед тем, как на экскурсию поехать.

МУЗЫКАНТ Даже не знаю, чем помочь.

ПРОФЕССОР Господи, да придумайте что-нибудь! Что я тут вечно сидеть буду?

НАДЗИРАТЕЛЬ Э, не папаша! У меня уже руки затекли.

Надзиратель опускает руки.

ПРОФЕССОР Эй, ты чего творишь-то! Держи занавеску, блин!

МУЗЫКАНТ Интересно, как долго мы сможем сохранять чувство стыда? Пока нас шестеро. Сколько должно остаться, чтобы этот феномен самоуничтожился? Или дело не в количестве? Может, это закон психического самосохранения. И внешняя угроза недостаточна? Будь это собака или ребенок – никто бы слова не сказал.

ПРОФЕССОР Блин, да дайте уже бумагу! У меня, простите, жопа мерзнет.

Беременная достает из сумочки 500 рублей и протягивает за ширму.

ПРОФЕССОР Спасибо вам огромное! А может, у кого еще купюрка завалилась? Не скинетесь, так сказать?

Музыкант протягивает кучу полтинников.

ПРОФЕССОР Вот спасибо, дорогой друг!

МУЗЫКАНТ Простите, профессор. Мне как-то в голову не пришло. Все, что собрал уличной игрой.

ШЛЮХА Так вот зачем рубли нужны!

НАДЗИРАТЕЛЬ Валютная что ли? Не тянешь.

ШЛЮХА Козел.

НАДЗИРАТЕЛЬ Еще раз услышу в свой адрес – будешь на мир одним глазом тарашиться.

ШЛЮХА Так это ж зеки на козла обижаются, а ты навроде как...

НАДЗИРАТЕЛЬ Какая разница! Законы везде одни.

МУЗЫКАНТ (в зал) Самое печальное, что он прав. Нет, есть кое-что еще печальнее. Мы на телеге. А... «закон»... все еще с ним. У Кафки клетка пошла искать птицу. У нас птицы еще птенцами глотают клетки.

НАДЗИРАТЕЛЬ Еще один тихоня нашелся. Что ты там все стоишь да пялишься, не

пойми куда. Ни поговорить с вами, ни в картишки перекинуться. У кого-нибудь есть, кстати?

ПРОФЕССОР Вам что – СКУЧНО??

НАДЗИРАТЕЛЬ Сколько раз тебе говорить – не выкай мне тут! Да, скучно. И что с того?

МУЗЫКАНТ Но ты же избранный!

НАДЗИРАТЕЛЬ Как там в ветхом завете? И боги померли со скуки.

МУЗЫКАНТ Перед ликом скуки даже боги слагают знамена. Это Ницше.

ШЛЮХА У меня есть!

НАДЗИРАТЕЛЬ Ух ты, козочка моя! Профессор, дуй к нам!

ПРОФЕССОР Спасибо. Воздержусь.

НАДЗИРАТЕЛЬ Так. Тебе не предлагаю. Кто еще (скользит глазами по беременной и идиоту). А, ладно, и так неплохо. На что играем?

ШЛЮХА На раздевание?

НАДЗИРАТЕЛЬ Пойдет.

Надзиратель играет в карты со Шлюхой. Их тень (или проекция) на белом заднике напоминает кадр из фильма «Седьмая печать», где Макс фон Зюдов играет в шахматы со смертью.

Остальные рассаживаются по разным концам телеги.

Постепенно Надзиратель и шлюха погружаются в полную темноту. Пятна света падают лишь на участников разговора – музыканта и профессора.

МУЗЫКАНТ Профессор, вам этот кадр никакой фильм не напоминает?

НАДЗИРАТЕЛЬ Валет!

МУЗЫКАНТ Только его омерзительный гнусный беспощадно убогий римейк.

ШЛЮХА Десятка бубей. Козырная!

ПРОФЕССОР О, я могу много вам про убогость рассказать! Вы наши фильмы смотрели вообще?

НАДЗИРАТЕЛЬ Не в масть! Обжужить хотела!

ПРОФЕССОР Ну, там... когда-то?

МУЗЫКАНТ Когда-то... А ведь катимся мы всего один день. Наверное.

ИДИОТ Один день. Через день я приеду за тобой, сынок. Тогда я не буду спать этот день. Ваш сын разучился спать. У него фатальная инсомния.

МУЗЫКАНТ Ты наш переключатель в режим... другого освещения.

ПРОФЕССОР Парень, как тебя зовут?

Парень глупо хихикает и зарывается в шаль.

Надзиратель и шлюха снова попадают в луч света. На ней остались трусы и бюстгальтер. На нем – лишь семейники.

ПРОФЕССОР Быстро вы.

Начинается мелко морозящий дождик.

ИДИОТ Перун скорбит.

ШЛЮХА Вот черт. Реально скорбит!

ПРОФЕССОР Парень – поразительное соединение непроходимой, какой-то абсолютной темноты и просто-таки солнечных вспышек уникального образного сознания. Может, ты гений, а?

НАДЗИРАТЕЛЬ Перун? Пацан, ты че, язычник?...

Дождь усиливается. Надзиратель и шлюха быстро одеваются. Беременная снова протягивает свою шаль. Так они и стоят, вшестером, под натянутой сверху шалью, словно под тентом.

ШЛЮХА Боже... как хочется есть.

ПРОФЕССОР И мне. Чертовски. И уже давно.

НАДЗИРАТЕЛЬ Ты че, папаша, в Марфушу влюбился че ли? Ахххахаха!

МУЗЫКАНТ Рано или поздно нам придется что-то с этим делать.

НАДЗИРАТЕЛЬ Первым сожрем профессора! Он самый жирный! Шутка!

ПРОФЕССОР Этот свитер меня полнит. Жена так всегда говорила... Забавно. Я хотел развестись. А теперь... она единственный человек, по которому я скучаю.

Дождь хлещет с удвоенной силой. Путникам становится не до разговоров. Они только

жмутся плотнее друг к другу. Чтобы не промокнуть окончательно.

Наконец, дождь заканчивается.

ШЛЮХА Слава богу. Я думала, это никогда не кончится.

МУЗЫКАНТ Смотрите-ка, профессор! Атмосфера все-таки осталась. Хоть какой-то ориентир в полной неизвестности! Мы все еще на Ялмезе.

ПРОФЕССОР Может быть, это какой-нибудь ядовитый марсианский дождь!

Шлюха слизывает воду с руки.

ШЛЮХА Да нет. Вода. Причем, пресная.

ПРОФЕССОР Значит, от обезвоживания мы не умрем. Остается голодная смерть и обморожение.

НАДЗИРАТЕЛЬ Что ж ты такой пессимист! Аж тошно...

ШЛЮХА Да, профессор, чего причитать? Мы все еще живы.

МУЗЫКАНТ Так радуется смертельно больной, очнувшись на холодном столе после операции. Отсрочка. Есть время пожрать под новое реалити-шоу, сгонять в Турцию побухать, взять кредит, накопить на седьмой айфон, получить третье никому не нужное образование, завести собаку-машину-любовницу и выложить все это в ленту новостей! Есть время схватить эту жизнь за горло и выдоить, выжать, выцедить из нее все до последней капли! И еще чуть-чуть. Спасибо, Айболит! Ты вернул мне мое бессмертие! Программа победит сознание! Как звукоизоляция победила истерику отбойного молотка под окном!

В этот момент шлюха едва не срывается в бездну от неожиданно сильного толчка. В последний момент ее хватает за руку надзиратель.

Телегу штормит из стороны в сторону. Друзья падают на пол и пытаются удержаться на ней.

НАДЗИРАТЕЛЬ Да что это, мать...

Телега подпрыгивает.

НАДЗИРАТЕЛЬ ...твою такое?

ПРОФЕССОР Зона ту...

Телегу заносит, она кренится под опасным углом.

ПРОФЕССОР Ту...

Телегу трясет мелкой дрожью, как виброкресло.

ПРОФЕССОР Ты...

НАДЗИРАТЕЛЬ Зона тутуту. А профессор-то – шутник!

МУЗЫКАНТ Держитесь крепче!

ПРОФЕССОР Рбулентности!

Так они и несутся в дикой тряске, периодически опасно наклоняясь под разными углами, пытаясь изо всех сил удержаться. Мимо разноцветных пейзажей, застывших в разных временах года, как скриншоты реальности.

Шлюха, вконец ослабев, в очередной раз съезжает вниз, к краю одного из «бортов». Сначала она пытается кричать, но потом сил не хватает даже на это, и она молча катится вниз.

Остальные пытаются удержаться сами, даже надзиратель вцепился в противоположный, поднятый край телеги, и уже ни на что не реагирует, сосредоточившись на одном – не сорваться в пропасть. В последний момент шлюха цепляется капюшоном за изогнутый рогом металлический крюк, торчащий из-под основания телеги.

В таком положении, как космонавт в открытом космосе, шлюха мчится дальше вместе со всеми. Но только она со своего угла зрения видит то, чего не видят остальные – блики отраженного от озер света, церкви и расплывчатые изображения с идущей ей навстречу мужской фигурой.

Телега успокаивается, снова принимает стандартное горизонтальное положение. Надзиратель втягивает шлюху на «борт».

ШЛЮХА Мне было явление.

ПРОФЕССОР Тааак. Понеслась.

ШЛЮХА Именно, пока я неслась над пропастью, Он единственный, кто пришел ко мне, и протянул мне руку, и благословил меня. Спаситель.

МУЗЫКАНТ Это был крюк, торчащий из телеги.

ШЛЮХА Побойся богоненавистнических слов своих, грешник.

МУЗЫКАНТ И это говоришь мне ты?

ШЛЮХА Кто отрекся от прежней жизни своей – навсегда очистился и искупил вину свою.

МУЗЫКАНТ Боже, почему, как только речь заходит о чудесном спасении, обыкновенные, даже разумные, в общем-то слова, становятся похожи на вульгарную пародию? (в зал) Уважаемая цензура, это лишь мое оценочное суждение и ни в коем случае не попытка оскорбить чувства верующих. Кстати, быть атеистом – это оскорбление? И можно ли как-нибудь оскорбить атеистические чувства?

ПРОФЕССОР И кто же тебе явился?

ШЛЮХА (в зал) Не повторим ошибок тех, кто сейчас ставит спектакли в своих фантазиях или местах не столь отдаленных. Будем пай-труппой, выверенно трусливой и послушной безо всякой меры. Мы танцуем на цыпочках под фальшивые колыбельные! Грядет новое искусство! А мы его пророки! Великие анусы да будут чисты! Кивать – наша сверхзадача, а мяукать – творческий метод. И фигурки я скажу, кто это был. Назовем его условно-нейтрально, пока еще остались такие слова. Ненадолго. Назовем его Картошка. (профессору) Картошка!

ПРОФЕССОР Ну конечно же, Картошка! Если бы ты росла в другой культуре – тебе привелся бы Инжир. Или Лайм.

Шлюха совершает знамение (не крест, а любое другое, заменяющее его).

ШЛЮХА Да прибудет с нами картошка!

ПРОФЕССОР Ага, и картофельная сила.

МУЗЫКАНТ Если бы кому-то из нас привиделся лайм или инжир – сдастся мне, мы бы друг друга прикончили, отстаивая честь и достоинство своей галлюцинации. Как будто галлюцинации есть до этого дело. Спор сомнамбул про то, чей сон настоящий. Кофе сжигают и запрещают, открытые глаза – предательство, отсутствие сновидений – инакомыслие. Спи спокойно, дорогие сомнамбулы. Галлюцинаций хватит на всех.

Путники зевают. Они устали и борются с сонливостью.

ИДИОТ Дяденька, смотри, кораблик заболел...

ПРОФЕССОР Господи, ну что еще?

Профессор осматривает часть телеги, на которую указывает Идиот и видит, что один из блоков серьезно расшатан и того и гляди отвалится.

ПРОФЕССОР Черт. Телега наша и правда заболела, ребятишки... нужно что-то делать, иначе мы тут как в час пик ехать будем.

НАДЗИРАТЕЛЬ Вот бы и сделал, а то только концепции разные двигаешь тут, как тот филин. Давай, давай, чего встал? Бери и делай!

ПРОФЕССОР Какой филин? Да я... да пожалуйста...

Профессор крутится вокруг треснувшего блока, смотрит на него и так, и эдак, подходит с разных сторон, пытается взяться снизу, потом сверху, но вдруг передумывает и снова отходит в задумчивости.

ПРОФЕССОР У вас веревки не найдется случайно?

НАДЗИРАТЕЛЬ Химик, ты такой химик! То бумагу ему, то веревку!

ПРОФЕССОР Ну а что, вы знаете, как это без веревки соединить? Или, может, у вас есть супер-клей?

НАДЗИРАТЕЛЬ Хватит выкать уже! Достал, старый маразматик!

ПРОФЕССОР Да как ты смеешь!

МУЗЫКАНТ Все, все! Успокойтесь... все в одной упряжке едем, в конце концов. Давайте будем вести себя достойно.

ПРОФЕССОР И НАДЗИРАТЕЛЬ (ХОРОМ) Не лезь!

НАДЗИРАТЕЛЬ Ты же у нас ученый, это твоя работа – находить нестандартные ходы, изворачиваться, делать что-то из ничего...

МУЗЫКАНТ (в зал) Боюсь, что он прав. Ученым у нас остается только это.

ПРОФЕССОР Я... я... я...

НАДЗИРАТЕЛЬ Как говорил мой батя, головка от...

ШЛЮХА Не сквернословь!

НАДЗИРАТЕЛЬ В общем, смотри сюда, папаша. Мастер-класс!

Надзиратель хватает Шлюху за ноги, та истошно вопит.

НАДЗИРАТЕЛЬ Тихо ты, дура!

ШЛЮХА Лучше смерть, чем бесчестие!

НАДЗИРАТЕЛЬ Ой, дураааа... да ты умереть раз семьсот должна была. Если не больше.

Шлюха сопротивляется, надзиратель одной рукой прижимает ее к полу.

Дернувшись еще пару раз, шлюха сдается, раздвигает ноги и закрывает глаза. Надзиратель стягивает с нее чулок и освобождает.

НАДЗИРАТЕЛЬ Вот и все, а ты боялась.

Шлюха открывает глаза и быстро сдвигает ноги.

ШЛЮХА Что?

Надзиратель пытается чулком прикрутить поврежденный блок телеги, но только все портит – не хватает ловкости рук. Небольшая трещина быстро разрастается, блок с треском отваливается и теряется где-то в ночном пространстве, утащив за собой и чулок.

НАДЗИРАТЕЛЬ Блин.

ИДИОТ Кораблик тонет.

ПРОФЕССОР Просто потрясающий мастер-класс! Как решаемую проблему превратить в полную задницу!

Все, кроме профессора, смотрят вниз, как будто надеясь разглядеть там отвалившийся кусок телеги.

НАДЗИРАТЕЛЬ Профессор, я... я... я...

ПРОФЕССОР Как там твой батя говорил?

Надзиратель виновато опускает голову.

ПРОФЕССОР А теперь послушайте меня, ребяташки. Как ты правильно заметил, я ученый. Физик. Не химик. Физик! Но не нужно быть ученым, чтобы понять одну простую вещь: 6 человек на (называет площадь в зависимости от размеров конструкции) квадратных метров - это слишком много. И вот для решения этой проблемы, как раз нужен нестандартный подход.

НАДЗИРАТЕЛЬ Какой?

МУЗЫКАНТ В смысле – много?

ИДИОТ Раз, два, три, четыре, пять! Вышел зайчик погулять!

ПРОФЕССОР Что ж, охотно отвечу на ваши вопросы, господа. Много – означает, что те ресурсы, которыми мы располагаем, слишком ничтожны для выживания такого количества людей. Ресурсы в нашей ситуации есть не что иное, как территория. С уходом шестой части этой территории, мы лишились шестой части всех ресурсов. И теперь выживание вида становится важнее выживания отдельной особи.

МУЗЫКАНТ Профессор, я что-то вас не понимаю. Сейчас отдельная особь – это целый континент.

ПРОФЕССОР Это схоластика чистой воды!

МУЗЫКАНТ А вы сейчас похожи на военного преступника, нанявшего Дарвина себе в

адвокаты!

ПРОФЕССОР Лучше быть преступником, чем жертвой.

МУЗЫКАНТ По-вашему, есть только две эти роли?

ПРОФЕССОР О нет! Ролей гораздо больше! Спектаклей мало! Вот и приходится совмещать.

МУЗЫКАНТ Разве это не называется лицемерием?

ПРОФЕССОР Да вы романтик. Видите ли, само слово не имеет больше сакрального смысла. Лицемер – это всего лишь человек, который притворяется перед другими лицемерами.

ШЛЮХА Стойте, стойте! Правильно ли я понимаю, профессор, что кто-то один должен... покинуть нас?

ПРОФЕССОР Совершенно верно! Надо сказать, что для мракобески вы неплохо соображаете.

ШЛЮХА Нет, это совершенно неприемлемо. Я считаю, что это просто аморально.

ПРОФЕССОР Ну хватит, хватит уже. Я ошибся.

ШЛЮХА Кто не ошибается.

ПРОФЕССОР Когда сказал, что ты неплохо соображаешь. Черт, да как вы не понимаете, что вы... ни черта не понимаете! Все это пластилиновое великодушие... оно же растает за одну секунду, как только вам станет некомфортно!

МУЗЫКАНТ Мы, знаете ли, итак не первым классом едем.

Профессор пытается найти поддержку у беременной, но та лишь демонстративно отворачивается. Шлюха осуждающе качает головой. Идиот прдолжает добродушно улыбаться.

МУЗЫКАНТ Да нет, ну вы что, на полном серьезе хотели это предложить? Господи, давайте забудем это, как глупую шутку, и попытаемся поспать. Сейчас, должно быть, ночь. Хотя... теперь всегда ночь.

И только Надзиратель с каким-то детским восторгом смотрит на Профессора и даже переходит на его сторону телеги. Таким образом, с одной тороны телеги оказываются эти двое, а с другой – все остальные.

ШЛЮХА А вот насчет поспать идея просто отличная!

ИДИОТ (поет) Бай-бай-бай, пусть приснится рай...

ШЛЮХА О, еще и с колыбельной.

Путники никак не могут устроиться на ночлег. Слишком мало места. К тому же беременная может лежать только в определенной позе, занимая в полтора раза больше места, чем остальные, ведь к ней нельзя плотно прижаться. Они пробуют разные позы и комбинации, но факт налицо – им тесно. Кто-то один – лишний.

Друзья замирают в тишине, лежа почти друг на друге. Удобно только беременной. Шлюха завидует ей.

ШЛЮХА Это что же, мы теперь всю жизнь – вот так? Как тетрис?

НАДЗИРАТЕЛЬ Профессор, расскажите еще про свою теорию.

Профессор поднимается.

ПРОФЕССОР А чего тут рассказывать? Надо брать и делать. Короче... один за всех.

Следом за профессором поднимается надзиратель, а за ним и все остальные.

МУЗЫКАНТ Вот мы и закончились. Нас хватило на день. Или, может быть, на два.

НАДЗИРАТЕЛЬ Да... но сначала надо выбрать главного. Без этого не будет порядка. Отсюда все наши проблемы.

МУЗЫКАНТ Так вот откуда наши проблемы! Даю зуб, сейчас он предложит себя.

НАДЗИРАТЕЛЬ Как представитель сильного пола, способный отстаивать интересы нашего общества...

МУЗЫКАНТ Опять... какие интересы? У кого отстаивать, блин? Иногда мне кажется, что в него вшит пулыт. А канала всего два... порно и заседание правительства. И первый честнее.

НАДЗИРАТЕЛЬ И в дальнейшем всегда руководствоваться только соображениями... этих... как его... короче, есть еще желающие?

ПРОФЕССОР Ну...

НАДЗИРАТЕЛЬ Кто бы хотел побороться за место вожака?

Сказав это, Надзиратель демонстративно играет мускулами накачанных рук.

ПРОФЕССОП Да нет, я думаю, это место по праву твое.

ШЛЮХА Не против. Честно? Теперь я чувствую себя как за каменной спиной.

ПРОФЕССОР Стеной... Господи, стеной.

МУЗЫКАНТ Да, елки-палки! Опомнитесь, люди! Ничего ведь не изменилось! Просто теперь мы согласились во всем подчиняться идиоту. Настоящему идиоту!

НАДЗИРАТЕЛЬ Что скажет наша вторая прекрасная дама? За?

Беременная смущенно улыбается и кивает в знак согласия.

НАДЗИРАТЕЛЬ Итак, абсолютным большинством голосов, теперь я ваш предводитель. А значит, заботиться о вас – теперь моя обязанность.

МУЗЫКАНТ И в чем же будет заключаться эта... забота?

НАДЗИРАТЕЛЬ Для начала, мы избавимся от того, кто может помешать выжить всей... этой... как ее...

ПРОФЕССОР Популяции.

НАДЗИРАТЕЛЬ Ага, ей самой.

ПРОФЕССОР Короче, я предлагаю идиота или этого клоуна.

МУЗЫКАНТ Видимо, клоун – это я. Но вы забыли предложить на это заманчивое место как минимум еще одного человека. Себя, профессор. А как максимум – нашего премьер-министра.

НАДЗИРАТЕЛЬ Я вожак!

МУЗЫКАНТ В общем, чтобы все было по-честному...

НАДЗИРАТЕЛЬ Может, ты еще жребий тянуть предложишь?

МУЗЫКАНТ Почему же, можно бросить монетку (достаёт монетку)).

НАДЗИРАТЕЛЬ А можно тебе заткнуться и понять одну простую вещь. Я, профессор и эти две очаровательные дамы нужны для продолжения человеческого рода на Ялмезе. А ты и безмозглый придурок – балласт, который ничего обществу предложить не может. Моя бы воля, я бы тебя уже давно сбросил... видел я, как ты на мою жопу косишься.

МУЗЫКАНТ Если я косился на твою жопу – чем ты это видел? (в зал) Я вот думаю... а так ли нужно ЭТО продолжение? Обычно хороши первые пять-шесть сезонов, а потом начинается... инерциальное движение... это называется «авторы исписались». Может, мы тоже исписались, как люди, а?

НАДЗИРАТЕЛЬ Посему...

МУЗЫКАНТ Ой, ладно, хоть говори нормально, раз уж у нас вечер откровений. А то не

рот, а свалка канцелярских отходов (в зал) Ощущение безысходности и конца всему, и главное, никакой надежды, вообще никакой – дают тебе в руки иглу с инъекцией свободы.

НАДЗИРАТЕЛЬ Че?... Ладно. Мы тут тоже все люди, не звери какие. Поэтому у каждого из вас будет шанс доказать, что именно вы нужны нашему обществу.

МУЗЫКАНТ (В ЗАЛ) А у общества будет шанс доказать, что оно нужно нам? И все же, я как был, так и остался трусом. Я боюсь умирать. Я противен себе. Но мне страшно. Страшно. Страшно.

НАДЗИРАТЕЛЬ Начнем с тебя, голубок.

МУЗЫКАНТ Вы решили окончательно, что навсегда вычеркнете себя из списка людей и внесете в список уродов?

НАДЗИРАТЕЛЬ Ты нарываешься, дровосек. Я, как повелитель

МУЗЫКАНТ Вожак.

НАДЗИРАТЕЛЬ Вожак. Могу ведь и лишить тебя такого шанса.

ПРОФЕССОР Он дерзит, потому что на самом деле уже обделался со страху. Это такая защитная реакция психики.

НАДЗИРАТЕЛЬ Ну? Считаю до трех. Раз.

Музыкант подходит к ничего не подозревающему идиоту, который по-прежнему продолжает приветливо улыбаться.

МУЗЫКАНТ (ШОПОТОМ) Прости меня.

Идиот обнимает музыканта.

ИДИОТ Ты мой самый любимый друг.

НАДЗИРАТЕЛЬ Два.

Музыкант роется в своем рюкзаке, достает из его недр флейту, медленно подносит ко рту.

НАДЗИРАТЕЛЬ Три!

Музыкант затягивает фантастически прекрасную и грустную сюиту. Сначала она звучит тихо, даже робко, но постепенно, вместе с эмоциями самого музыканта, звук все нарастает.

Звук этот настолько пронзителен, а закат над горизонтом такой яркий, что на время от такого откровения все впадают в экстатическое оцепенение, даже дурачок.

Когда сюита заканчивается, закат тоже пропадает.

Некоторое время все стоят молча, все еще под впечатлением от услышанного.

Дурачок первым начинает радостно аплодировать.

Надзиратель подходит к нему вплотную.

ИДИОТ Дикобразы прижимаются друг к другу, когда им плохо. И не ранят. У нас тоже есть иголки. Но мы не дикобразы?

Путники открывают рты от удивления.

Надзиратель одним мощным ударом сталкивает дурачка с платформы, в черную бездну.

Музыкант падает на колени.

НАДЗИРАТЕЛЬ Первый, кто о нем заговорит, отправится следом.

Занавес.

Конец первого акта.

ВТОРОЙ АКТ.

Занавес открывается.

На телеге едут уже пятеро. Они лежат далеко друг от друга, пытаются заснуть, и дрожат от холода, как дворовые собачонки.

Шлюха мерзнет больше остальных. Музыкант замечает это и, сжавшись, придвигается ближе и обнимает ее.

ШЛЮХА Спасибо.

МУЗЫКАНТ Я просто хочу жить. Это единственное, что по-настоящему связывает нас друг с другом. Все остальное – проекция, более или менее реалистичная. Мы хотим жить. Что может быть примитивнее и возвышеннее?

Музыкант и шлюха перестают дрожать от холода, зато остальных трясет все сильнее. Но по какой-то причине ни один из оставшихся одиночек не присоединяется к шлюхе и музыканту.

ШЛЮХА Странно, почему они не присоединяются к нам.

МУЗЫКАНТ Как там? Ты то, что ты ешь. Головы большинства всю жизнь пичкаются полуфабрикатами, это удобнее и быстрее, чем готовить что-то настоящее, из

неочищенного сырья.

ШЛЮХА И что же это за полуфабрикаты?

МУЗЫКАНТ Предрассудки, замаринованные в традициях.

ШЛЮХА Что ж... умереть с голоду хуже.

МУЗЫКАНТ От голода может умереть только привыкший к обжорству мозг, что заглатывает все без разбору. Мозг, умеющий воздерживаться, будет жить.

Беременная прижимается к музыканту и шлюхе, укрывает всех шалью и, согревшись, засыпает крепким сном.

ПРОФЕССОР А, какого черта!... что же мне теперь, околеть, только бы слухи не пошли? Да и что такое слухи на этой ржавой телеге?

МУЗЫКАНТ То же, что везде. Ниточки, пришитые к куклам. А тот, кто слухи распускает, дергает за эти ниточки. Только вслепую.

Профессор залезает под шаль и плотно прижимается к троице.

ПРОФЕССОР Какой же я идиот, что не сделал этого раньше.

ШЛЮХА Ничего, профессор, просто так поумнеть нельзя. Нужен повод.

Четверка окончательно согревается и засыпает, сладко посапывая в унисон. Только надзиратель по-прежнему бьется в ознобе, свернувшись клубочком на краю телеги.

НАДЗИРАТЕЛЬ Да как же это так-то... как же так-то? С мужиком... в одной постели.

МУЗЫКАНТ А ты представь, что наша телега – это мир. И сейчас мир – это одна большая постель. Ты итак в ней. Подумай об этом.

НАДЗИРАТЕЛЬ Блин, а ведь ты прав, а, черт бы тебя побрал?! Едрить тебя в душу! Чтоб тебе сдохнуть!

Надзиратель залезает под шаль, обнимает профессора и, изнуренный долгим вынужденным бодрствованием, засыпает сном младенца. Так они и несутся, черт знает куда, свернувшись в единый клубок из тел.

Рассвет.

Первой просыпается шлюха. Встав на один краев телеги, она любуется представшей перед ее глазами картиной. Следом просыпаются музыкант и беременная. Они расходятся по разным краям телеги и молча любуются рассветом. Шлюха замечает музыканта.

ШЛЮХА (ТИХО) Спасибо тебе, что согрел... слушай, ты... это...

МУЗЫКАНТ Я уже давно простил тебя.

ШЛЮХА Воистину, узнаешь их по...

МУЗЫКАНТ Перестань. Я простил тебя не потому, что какой-то мужик, которого я в глаза не видел, велел мне это сделать... Я простил тебя, потому что даже не обижался. Меня не могут обидеть ни твои слова, ни чьи-либо еще. Люди поклоняются словам, золотой телец превратился в золотой язык. Слова дают власть, потому что в любой момент ты можешь ошибиться в этом бесконечном состязании. Никто не прощает ошибок. Тем выше ставки. И далеко пойдет тот, кто быстрее это поймет.

ШЛЮХА Тогда ты должен был уйти дальше всех...

МУЗЫКАНТ Видишь ли, я маньяк, преследующий абсурд. Голый зад нашей великой сути. Как только распарываю брюхо очередной жертве - сразу же теряю к ней всякий интерес.

ШЛЮХА И как глубоко ты проник на этот раз?

МУЗЫКАНТ Достаточно, чтобы понять, что в нашем обществе пройти мимо лежащего на земле человека, который, может быть, умирает – не страшно. Страшнее сказать, что вам на него наплевать. Слова помогают обмануть, молчание – забыть. Слова помогают сделать вид, что ты хороший, молчание – сделать вид, что тебе это не важно. Пока ты не попался с поличным – ты чист. Все знают, о чем ты молчишь. И что с того? Все молчание узнают друг друга издали. Каста молчащих и каста говорящих. Первое безопаснее, так что со временем, подчиняясь инстинкту самосохранения, все обратятся в касту первую. Мир и война, добро и зло, отношения, обвинения и оправдания, смерть... все это существует только во рту, рот – дыра, чтобы вылезти из царства мертвых и нерожденных, рот – настоящее лоно! Второго шанса родиться не будет, так что лучше не делать этого вовсе, чем появиться на свет калекой. Безопасность бесплодна, но родиться необязательно. Это такая игра под названием «норма».

ШЛЮХА У нас нет ничего пожевать?

ПРОФЕССОР Я видел, там на дороге что-то валялось. Может, это съедобно.

НАДЗИРАТЕЛЬ Пока не попробуем – не узнаем.

ШЛЮХА Я бы сейчас слона слопала.

ПРОФЕССОР Забавно... меня так в университете называли.

ШЛЮХА Слоном? Это потому что вы все время в сером и у вас... комплектация такая?

ПРОФЕССОР Комплекция. Нет, потому что моя фамилия Слонский.

ШЛЮХА Слонский. Красиво.

ПРОФЕССОР Моему отцу в 37 году так не казалось.

НАДЗИРАТЕЛЬ Стоп! Я вижу! Сыр! Валяется сыр!... из Орхидеи...

ПРОФЕССОР Что – стоп? Ты думаешь, это как авада кедавра работает? Маг нашелся.

НАДЗИРАТЕЛЬ Японский бог! Они повсюду! Просто повсюду! Тонны сыра! По ходу, мы завод проезжаем... бывший.

ШЛЮХА Ага... или склад магазина Морхидея. Тоже бывший.

НАДЗИРАТЕЛЬ Черт, профессор, нужно что-то придумать. Как-то его достать.

Все смотрят на Шлюху.

ШЛЮХА Нет, иди в жопу! Ни за что!

Шлюха пятится от надзирателя, заходит за профессора.

НАДЗИРАТЕЛЬ Отойди, химик. Хуже будет.

ПРОФЕССОР (шлюхе) Послушай, сейчас он действительно прав.

ШЛЮХА Да плевать мне, кто там прав! Вы там не были! Вы не знаете. Каково это. Висеть над тем, чего нет. Может, это все вообще мураж!

ПРОФЕССОР Мираж.

ШЛЮХА Мандраж! Я ни за что в жизни не пойду еще раз на такое. Я просто не выдержу! И у вас появится новый сумасшедший на корабле!

МУЗЫКАНТ Это телега.

ШЛЮХА Я образно, сукин ты сын!

Надзиратель аккуратно подбирается к шлюхе с другого края. Шлюха замечает его и готовится к прыжку.

ШЛЮХА Еще шаг – и я спрыгну, я тебе отвечаю, скотина!

НАДЗИРАТЕЛЬ Ты че?

ШЛЮХА Через плечо! Будете тут вчетвером куковать с пидором, старпером и брюхастой бабищей, понял?

Шлюха полна какой-то отчаянной решимости, она уже заносит ногу над пропастью. Надзирателя ее слова удивительным образом убеждают.

НАДЗИРАТЕЛЬ Ладно, че ты так разбушевалась-то? Понял, никто тебя подвешивать не будет. Релакснись, детка.

Музыканта рвет в сторону задней части сцены, так что мы догадываемся об этом только по звуку и его согнутой фигуре.

НАДЗИРАТЕЛЬ Че это с тобой, ты беременен?

МУЗЫКАНТ У меня абсолютный слух, который психосоматически как-то связан с желудком.

НАДЗИРАТЕЛЬ Чё?

ПРОФЕССОР Психосоматика – это...

НАДЗИРАТЕЛЬ Слышь, ты, релакснись, (музыканта снова рвет на этой фразе) я знаю, че такое психосоматика. Ты удивишься, но у меня есть диплом о высшем образовании.

ШЛЮХА Где ты его купил?

МУЗЫКАНТ Bravo!

НАДЗИРАТЕЛЬ Я закончил его сам.

ПРОФЕССОР И кто же ты по профессии?

НАДЗИРАТЕЛЬ Учитель физики.

ПРОФЕССОР Э... а... ээээ...

Все опешили от такой новости.

НАДЗИРАТЕЛЬ Чего ж вы все так удивились? Что, рожей не вышел?

ПРОФЕССОР Нет, просто...

НАДЗИРАТЕЛЬ Вы все меня боитесь и никто не может правду сказать! Эта от меня бегаёт по всей телеге, визжит, шантажирует, этот темнит все время, химик хитрожопый, одни звуки из себя давит, забыл слова-то! У этого на меня психосоматика, вона че, а эта вообще молчит. Ну правильно, говно не тронь, верно?! Да расслабьтесь вы, пучеглазики! Я пошутил. Оке, падре, раскусил. Никакой я не учитель физики. И по образованию я автомеханик. Но, японский бог, кем я только ни работал! И инструктором по рукопашке, и дальнобойщиком, и в штабе кандидата одного, и надзирателем. А теперь вот, я ваш вожак. И вы все зассали, никто не рискнул сказать, что для физика я рожей не вышел. А я и сам знаю это... я бы слова не сказал, я ведь знаю, что это правда. Но вы только стояли, булки вжали, да глазами хлопали, зубами топали, еще небось и поржали про себя.

ШЛЮХА Ладно, ладно! Разошелся. Не засышь тут, когда у тебя рука, как у меня нога. Ты ведь тоже!.. Не всегда такой рассудительный. А вниз башкой над, черт его знает, может, и преисподней, знаешь, не очень охота висеть. Как-то немного... с ума сводит,навроде того. Меня еще с того раза до конца не отпустило. Не хочу совсем спятить.

ПРОФЕССОР Вот смотрю я на эти куски и понимаю, что девкой их все равно не достать. Здесь хваталка нужна... типа копья, легкая и прочная, чтобы можно было направлять ее то вправо, то влево. То вправо, то влево. То вправо, то влево.

Профессор не сводит глаз с разбросанных повсюду кусков сыра.

НАДЗИРАТЕЛЬ (профессору) Эй, эй! Хорош! Ты-то хоть не сходи с ума, профессор.

Беременная залезает к музыканту в рюкзак.

МУЗЫКАНТ (беременной) Нравится? Дарю!

Беременная достает из рюкзака флейту, показывает на ветки деревьев, которые иногда попадают на их пути.

НАДЗИРАТЕЛЬ Ну что, что? У нас чего, массовый психоз начался, я не пойму?

Беременная показывает жестами, что флейту нужно соединить с веткой.

ПРОФЕССОР Гениально! Я понял! Она только что изобреа хваталку!

НАДЗИРАТЕЛЬ Погоди. Офигеть, точно! А чем их соединить?

Шлюха снимает с себя второй чулок.

ШЛЮХА Вот этим!

НАДЗИРАТЕЛЬ Химик, держи меня!

ПРОФЕССОР я не химик... а! теперь один... как там... херес.

НАДЗИРАТЕЛЬ Короче, вы все, помогайте ему меня держать! Я вам верю.

МУЗЫКАНТ Ты не веришь, ты знаешь, что мы тебя не отпустим. Теперь, когда мы умираем с голоду, твоя сила – единственное, что может нас спасти. Племя никогда не убьет своего охотника. Мы все лукавим время от времени. И ты – не исключение.

НАДЗИРАТЕЛЬ (музыканту) Ты тоже держи меня, большеротый! Только не за жопу!

Профессор, музыкант и шлюха страхуют надзирателя, пока тот пытается схватить одну из веток, неизвестно откуда торчащих по бокам. Наконец, ему это удается.

ВСЕ ХОРОМ Ура! Ура!

ПРОФЕССОР Давай попробуем еще одну зацепить. Пригодится.

Надзиратель снова тянется за ветками, подпрыгивает, хватает еще одну ветку, но сам едва не падает с платформы. Его спасает только страховка друзей.

НАДЗИРАТЕЛЬ Черт.

У надзирателя заметно трясутся руки. Он отсаживается в сторонку и пытается прийти в себя после пережитого шока.

ПРОФЕССОР Теперь их надо как-то соединить с флейтой.

МУЗЫКАНТ Дайте-ка мне порукодельничать.

Музыкант ловко соединяет одну из веток с флейтой, скрепляет их чулком. Пробует разорвать – связка держится намертво.

ПРОФЕССОР Хорошие чулочки.

ШЛЮХА В Морхидее брала.

ПРОФЕССОР Ну что! Оружие готово. Теперь надо идти в бой. Вожак! Вожаааак! Ку-ку!

НАДЗИРАТЕЛЬ Да! А?? Да, пойдете.

ШЛЮХА Что с ним?

ПРОФЕССОР Это скоро пройдет. Зато мы теперь знаем, что среди нас нет зомби! А, вожак, что скажешь? Ты, оказывается, человек! Тебе тоже может быть страшно!

НАДЗИРАТЕЛЬ Заткнись, старый хрен!

ПРОФЕССОР Да ладно тебе! Почему ты так боишься показать свою слабость? Даже сейчас, когда все неважно. Ничего не осталось, пойми! Ничего, все кончено, черт! Все кончено! И нам не долго осталось.

НАДЗИРАТЕЛЬ Говори за себя, слизняк. Это тебе не долго осталось. Я еще поживу. Все еще у нас будет.

Солнце печет все сильнее.

ПРОФЕССОР Но это просто глупо. Глупо. Ты обманываешь сам себя, и пытаешься обмануть нас, потому что тебе страшно признать, что ничего больше не будет. Вы все боитесь произнести это вслух. Хорошо, раз никто больше не может, скажу я. Надежды нет. Черт, все так глупо! Все глупо. Нет никакого бога, нет никакого смысла, нет цели и причин, нет абсолютно никакой разницы и нет нас. Мы просто нелепая ошибка. Вселенная решила избавиться сама от себя. Это самый неожиданный и отчаянный суицид, масштабы которого не способны уместиться в ваших узеньких лобиках! В этих маленьких резиновых

шариках (тычет в головы своих друзей) просто нет места для того, чтобы это понять! Там нет таких категорий! Потому что это вне категорий! Потому что на самом деле вселенной нет дела до нас! Ей нет никакого дела до добра и зла, справедливости и что мы там еще напридумывали? Это просто холодная бесчувственная воронка из какого-то неведомого нам материала, в которую нас случайно занесло, и которая ничем нам не обязана! Она не видит нас, потому что у нее нет глаз! Да и зачем глаза, чтобы смотреть в пустоту?

МУЗЫКАНТ Вот это да, профессор. Даже я не так отчаялся.

ПРОФЕССОР Это потому, что все вы - еще дети.

Солнце печет невыносимо. Двигаться становится все тяжелее.

НАДЗИРАТЕЛЬ А знаешь, что? мне нравится быть ребенком! Это по крайней мере лучше, чем твое вечное старческое геморроидальное нытье!

ШЛЮХА Да что вы все заладили, лучше, хуже? Давайте...

НАДЗИРАТЕЛЬ И знаешь что... это ты слабак! Тебе кажется, что ты самый умный, потому что ты самый унылый! Такие как ты нагоняют тоску, это такие как ты плодят маниакальных и всяких там депрессивных психов! я не знаю, это, видать, у вас развлечение такое. Если все не так, как должно быть, значит, не должно быть никак! А с чего ты взял, что тебе известно, как должно быть? А? Я вот люблю жизнь, понятно? Даже такую, на этой хреновой развалюхе, черт бы ее побрал! И я не хочу себя заживо хоронить! И я не боюсь! Я ничего не боюсь, хотя тебе очень хотелось бы видеть, что все такие же, как ты! Слизняки. Ты ведь наслаждаешься, да, когда видишь, что все вокруг дерьмо? Такое же, как ты. Больше всего на свете ты боишься остаться один. Поэтому тебе нужно знать, что этого бояться все. Тогда тебе спокойно. Тебе спокойно, когда все одинаковые. Тебе спокойно, когда ты видишь слабость. Я видел таких, как ты. Одиночная камера доконает большинство. Но не меня. Я сильный человек! И тебе, профессор, не по себе, что это не маска.

МУЗЫКАНТ Одиночная камера? Надзирателей сажают в одиночные камеры?

НАДЗИРАТЕЛЬ Надзирателей – нет.

ПРОФЕССОР Тогда я... что-то я...

Невыносимая жара ладет конец этому затянувшемуся спору.

Беременная берет палку-флейту и цепляет ею первый кусок сыра. Остальные не могут вымолвить ни слова – они под впечатлением от решительности женщины.

Беременная разламывает сыр на 5 частей, друзья буквально набрасываются на еду, так они оголодали. Настроение у всех поднимается, как от спиртного. В глазах появляется блеск. Желание жить возвращается. Надзиратель подхватывает беременную, шлюха обнимается с профессором и музыкантом, все радостно прыгают.

Надзиратель хватает обычную палку, профессор палку, соединенную с флейтой, музыкант

вытряхивает из рюкзака всякий хлам, среди которого оказываются зажигалка, деньги, термос и прочие мелочи. Профессор вываливает из портфеля свои рукописи, очки, кредитки, пустые контейнеры для еды с прилипшими к краям остатками еды, планшет, металлическую линейку.

НАДЗИРАТЕЛЬ (взвесив рукопись) А говоришь, подтираться нечем.

ПРОФЕССОР Это мой научный труд. Я на него 12 лет угробил. Аххах! Думал, может, еще пригодится. Думал, все будет, как прежде.

НАДЗИРАТЕЛЬ Как прежде не будет. А вот пригодится точно. Чего не могу сказать про планшет и кредитки.

ПРОФЕССОР Кто бы подумал, что все эти достижения цивилизации станут однажды абсолютно бесполезным хламом. (шарит в карманах брюк) Даже батарейки взял!

Солнце на время скрывается за тучей. Надзиратель и профессор поочередно вылавливают из темноты, как на удочку, куски мяса, сыр, яйца, замороженные овощи, воду. Мясо удается цеплять только профессору. Они складывают все это на разложенные страницы профессорского труда.

Надзиратель достает из нагрудного кармана ножик, беременная разделяет мясо. Солнце снова начинает печь.

Музыкант снова и снова чиркает зажигалкой, но огонь так и не появляется.

ШЛЮХА Очки профессора!

МУЗЫКАНТ Точно!

На солнцепеке им быстро удастся развести костер, опять, при помощи все тех же универсальных страниц профессорского труда.

Надзиратель разрезает металлическую линейку ножичком, получают шампур. Беременная нанизывает на них мясо.

Шлюха моет овощи, готовит салаты. Музыкант поддерживает костер с помощью палок-дровишек, которые ему периодически вылавливают профессор и надзиратель.

Беременная, закончив нанизывать шашлыки, расстилает свою шаль, как скатерть, и расставляет на нее профессорские контейнеры для еды.

Вдруг надзиратель вылавливает целую бутылку виски.

ПРОФЕССОР Ух ты!!!

ШЛЮХА Это знак! Благословение!

ПРОФЕССОР А знаешь, я с тобой полностью согласен!

МУЗЫКАНТ Да, профессор! Да!

НАДЗИРАТЕЛЬ Охренеть, он 15-летний!

ПРОФЕССОР Дорогая! Поройся-ка получше в моем портфеле, ты найдешь там кое-что интересное.

Шлюха роется в портфеле профессора и достает оттуда 3 металлические стопки.

НАДЗИРАТЕЛЬ Гениально! Осталось придумать еще две.

Беременная показывает, что одну.

НАДЗИРАТЕЛЬ Ааа, точно, блин, виноват.

МУЗЫКАНТ У меня крышка от термоса очень удобная.

НАДЗИРАТЕЛЬ Ну вот и прекрасно! Все устроилось! Все довольны.

ШЛЮХА Прошу к столу!

Друзья закатывают пир и веселье, они пьют и едят, едят и пьют, и все никак не могут остановиться. Музыкант наигрывает танцевальные мелодии, друзья пляшут в пьяном забытии, водят хороводы, падают, смеются, поднимаются, снова падают. Заканчивается все медленными танцами. Надзиратель танцует со шлюхой, профессор с беременной.

Натупает время ночи, а солнце печет все невыносиме, как будто забыло, что нужно заходить.

ПРОФЕССОР Солнце в зените уже часов 6.

МУЗЫКАНТ Оно как будто застряло там.

НАДЗИРАТЕЛЬ Давайте его хорошенечко пнем!

ШЛЮХА Давайте отправим к нему перламутро...

ПРОФЕССОР Парла... прела... падла! Посланника!

ШЛЮХА Точняк!

Оба смеются.

Проходит еще время. Путники валяются на телеге, как попало, не заботясь о позах. Беременная укрылась шалью, а музыкант повязал на голову нашейный шарфик, словно бандану. Шлюха валяется на самом краю телеги, обмахиваясь планшетом профессора. Профессор по очереди прикладывает ко лбу разные металлические предметы. Надзиратель

лежит в одних семейниках, старааясь не шевелиться.

ПРОФЕССОР По моим подсчетам, сейчас почти полночь.

НАДЗИРАТЕЛЬ Угу, уж полночь близится... а это гребаное солнце все еще на месте! Ты все еще с нами, собака ты плешивая! Скотина ты, поняло?!

МУЗЫКАНТ Ты что, ругаешься с солнцем? Думаешь, поможет?

НАДЗИРАТЕЛЬ Я уже ни во что не верю, я хочу только, чтобы оно поскорее... (солнцу) скрылось уже отсюда!

ПРОФЕССОР А, то есть ты признаешь, что вера твоя не безусловна!

НАДЗИРАТЕЛЬ Бога не тронь!

ПРОФЕССОР Да ты больной что ли? Сам же только что... а, да пошел ты!

Надзиратель ничего не отвечает, он только хрипло вздыхет, тяжело переворачивается на другой бок и неподвижно застывает.

МУЗЫКАНТ Инфантильность – это когда тебя может задеть вопрос, который разрушает твой ответ. Ответ из тех, что всегда с тобой. Ответ из глубины бессознательного. Ответ, несущий некий сакральный смысл, а потому издаലെка обладающий ясное сознание ядовитыми парами вековой мистической вони. Ответ непостижимый, потому что ненужный. Ответ без вопроса. Уравнивает нас в правах, оставляя каждому по два – быть младенцем и быть стариком. Право на наивность и право на маразм. Еще не понимать и не понимать уже. А то, что между ними – высокомерие. Отвергнутое и поруганное благовоспитанными домами. Но это же просто высокие мерки. Это и есть зрелость. Вопросы и есть зрелость.

Беременную тошнит. Мы снова догадываемся об этом, благодаря звуку и согнутой фигуре.

НАДЗИРАТЕЛЬ У тебя что, тоже психосоматика на всякую чушь?

В ответ – новый приступ тошноты.

ПРОФЕССОР Оставь ее. Не знаешь, что такое токсикоз?

НАДЗИРАТЕЛЬ Знаю, конечно. Просто не было, не было, и вдруг на тебе.

МУЗЫКАНТ Так можно сказать обо всем. И о тебе тоже.

НАДЗИРАТЕЛЬ Слышь, ты...

Надзирателя тошнит. Он отворачивается в темноту, лицом от зрителей.

ПРОФЕССОР У тебя тоже токсикоз?

НАДЗИРАТЕЛЬ Ты урод, профессооооо... (договорить ему не удается).

Музыканта и шлюху одновременно сгибает пополам, и тошнит в разные стороны. Лиц обоих мы не видим. Никакого натурализма.

ШЛЮХА Я не могу тааак.. давайте... давайте не смотреть друг на друга...

НАДЗИРАТЕЛЬ (сплевывая) да кому ты нужна, смотреть на тебя?!!

ШЛЮХА Да при чем тут нужна - не нужна. Мне смотреть на вас тошно (тошнит в темноту)

Путешественники сидят на разных краях телеги, чтобы не видеть друг друга. Всех по-прежнему рвет куда-то в темноту и неизвестность. В центре сидит освещенный светом профессор, которому, похоже, лучше остальных.

ПРОФЕССОР Как там у Раневской было? Сниматься в плохих фильмах – все равно, что плевать в вечность. А так снимают наше кино. Хе-хе.

ВСЕ (ХОРОМ, СКВОЗЬ ПРИСТУП ТОШНОТЫ) Заткнись!

ПРОФЕССОР Ладно, ладно, не расстраивайтесь вы так. Пошутить уже нельзя.

НАДЗИРАТЕЛЬ Шутник хренов.

ШЛЮХА А что это профессора не тошнит?

ПРОФЕССОР А потому что вы жрали мясо, а профессор - вегетарианец.

ШЛЮХА Вот шайзе!

НАДЗИРАТЕЛЬ Погоди. А кто нам это мясо наловил? Ты ведь, сукин ты кот.

ПРОФЕССОР Ты что, меня обвиняешь, что я вас накормил, неблагодарный ты говнюк?

МУЗЫКАНТ Тихо, тихо. Никто никого не обвиняет, он просто хочет сказать, что мясо было не совсем свежим. А может, и не совсем мясом. Кто его теперь разберет, с этим концом света.

ПРОФЕССОР А знаете, что?

Профессор подходит вплотную к ослабевшему надзирателю. Тот свернулся калачиком и бьется в ознобе.

ПРОФЕССОР Я сыт по горло вашим воспитанием, юноша.

Профессор со всего маху бьет надзирателя ногой в лицо. Надзиратель не успевает закрыться, пропущенный удар забирает у больного последние силы.

ПРОФЕССОР (наносит удар) Я физик. (удар) Физик! (удар) Не тыкай мне. (удар) тупая безмозглая обезьяна! (удар) Горилла убогая!

Профессор избивает надзирателя ногами так, что тот захлебывается в луже собственной крови. Остальные не могут ни встать, ни что-либо сказать в защиту. Их постоянно тошнит, мышцы ослабли. Профессор подходит к беременной.

ПРОФЕССОР Ладно, тебе повезло. Но не надо было так быстро соглашаться, чтобы этот гиббон нас тут строил.

Затем профессор подходит к шлюхе, опускается сзади на колени, ставит ее на четвереньки и задирает ей юбку. Профессор пытается повернуть девушку и так, и эдак, но все бесполезно – ничего не получается.

ПРОФЕССОР Черт!

Бросает шлюху на пол.

НАДЗИРАТЕЛЬ Импотент!

Профессор угрожающе надвигается на надзирателя.

ПРОФЕССОР
Убью обезьяну.

МУЗЫКАНТ Стойте, профессор! Мы же цивилизованные люди!

Профессор меняет направление движения и так же медленно подходит к музыканту, наклоняется и шепчет тому почти на ухо.

ПРОФЕССОР Как же я ненавижу вас, педиков! На хрен ты нам нужен? На хрена ты вообще нужен?

Профессор хватается флейту и уже заносит руку, чтобы вонзить ее музыканту в голову.

В последний момент надзиратель, вцепившись в брючину, валит профессора с ног.

НАДЗИРАТЕЛЬ А вот это уже не тебе решать, химик.

Надзиратель наносит мощный удар в хрупкую профессорскую челюсть, отчего профессор теряет сознание.

Надзиратель замахивается другим кулаком, но музыкант останавливает его.

МУЗЫКАНТ Не надо. Не стоит он того. Никакие мы не избранные. Скорее, наоборот.

Нас просто оставили на десерт, как главные отбросы вся галактики.

Надзиратель неожиданно смеется.

НАДЗИРАТЕЛЬ Эх, нормальный ты мужик... и зачем бог тебя гомосексом сделал? Может, для того, чтоб показать, куда приводит безверие? В назидание, так сказать?(смеется)

МУЗЫКАНТ(подхватывает смех) Ага, демонстрационный образец.

Оба прыскают со смеху.

ШЛЮХА Что нам теперь делать... с этим?

НАДЗИРАТЕЛЬ А что тут сделаешь? Ну что, сбросить нам его? Я не против.

ШЛЮХА После того, что он пытался сделать... я, честно говоря, тоже.

НАДЗИРАТЕЛЬ Можно вопрос? А че ты обиделась-то? Ну, я в смысле, ты ж раньше... как ее... этой была...

ШЛЮХА Шлюхой.

НАДЗИРАТЕЛЬ Ты же ведь со всеми подряд трахалась. А че сейчас-то? Неужели, и правда, монашкой заделалась?

ШЛЮХА Да при чем тут это. Просто. Даже тогда я не была вещью. А знаешь, в чем разница между вещью и человеком?

НАДЗИРАТЕЛЬ На вещь гарантия есть?

ШЛЮХА У вещи, например, у стиралки ты никогда не спросишь, хочет ли она стирать. Даже тогда я не была стиралкой, в которую каждый мог засунуть свои грязные трусы. Эта стиралка могла сказать нет. Когда ты шлюха, ты продолжаешь оставаться человеком, потому что у тебя все еще есть твое «нет». Ты все равно хозяин, который сдает что-то в аренду. Например, своё тело. Когда тебя насилуют, ты перестаешь быть человеком. Тебя выгоняют из твоего тела. Ты большее не хозяин. Но и не гость. Тебя вообще не существует. Больше всего это похоже на теракт. Единственный вопрос, который крутится в этот момент в голове: почему это случилось со мной? Но тебе этого не понять.

НАДЗИРАТЕЛЬ Да, мать, тебе пить больше не надо.

ШЛЮХА Почему же? Когда ты пьян, тебе не страшно сделать больно никому. Даже себе. ты становишься... ну, смелым что ли. Как там это называется? Тактичность? Дерьмо все это. Тебя тормозит только то, что ты надеешься как-то там его попользовать. Ну или там, его знакомых, ага. А если он буйный, то тебя тормозит страх за свое тело. Всего-то. Когда ты пьяный, то, что тебя тормозило – надежда, что все можно использовать, кажется мелкой. А все, что ты сдерживал – наоборот. Тебе уже по фигу, можно его использовать там или нет, гораздо важнее, что он – мудака, и должен об этом знать. Вот тебе и смелость.

Вот тебе и как его там, блин... фатализм! Классная вещь ваще! А вместе с этим всем еще и самомнение, куда здесь без него, ага! И оппа, вуаля – ты уже не добропорядочный тихоня, ты уже - злодей. А всего-то, перестал притворяться. Вот, за что я люблю алкогольное опьянение.

НАДЗИРАТЕЛЬ Ни хрена себе.

МУЗЫКАНТ Не подумал бы, что у тебя есть такие мысли. Что у тебя есть любые мысли.

ШЛЮХА Вот! Вот об этом я и говорю. Тебе от меня ничего не нужно. Вот ты и не боишься меня обидеть.

Понемногу солнце спадает. Все приходят в себя.

НАДЗИРАТЕЛЬ И все-таки, что это было? Отравление? Или что похуже?

МУЗЫКАНТ Если похуже – мы об этом скоро узнаем.

ШЛЮХА Только старикану все нипочем.

НАДЗИРАТЕЛЬ Он же тебе сказал, что мяса не жрал. Сволочь.

ШЛЮХА Слава богу, хоть солнце угомонилось.

МУЗЫКАНТ Будем считать, мы просто протестировали продукты новой эпохи. И поняли, что теперь тоже будем вегетарианцами. В конце концов, это опыт. Он научит нас быть осторожнее. И внимательнее.

НАДЗИРАТЕЛЬ Ага, и надо будет завести этого, как у королей были, как его...

МУЗЫКАНТ Отведывателя?

НАДЗИРАТЕЛЬ Ага. Только вместо деликатесов тухлые отбросы, вместо дворца телега, а вместо короля какой-то быдловатый мужик, а?

МУЗЫКАНТ Короля играет свита...

ШЛЮХА Смотрите, смотрите. Он просыпается. Может, его связать надо?

НАДЗИРАТЕЛЬ Было б чем связывать, ты бы щас все еще в чулках ходила.

ШЛЮХА Может, чулками?

НАДЗИРАТЕЛЬ А знаешь, твоя правда. Он ведь хотел убить меня. Я больше не могу ему доверять. Точнее, ему с развязанными руками.

Надзиратель берет хваталку, перемоттанную чулком.

ШЛЮХА Эх, жалко хваталку.

Беременная скручивает шаль жгутом и протягивает надзирателю.

НАДЗИРАТЕЛЬ Да это прям трансформер какой-то!

МУЗЫКАНТ (в зал) Запомните! Если однажды попадете в похожую ситуацию, скажем, на необитаемый остров – обязательно возьмите с собой шаль.

Надзиратель связывает профессору руки за спиной.

Профессор ворочается, постепенно приходит в себя.

ПРОФЕССОР Галя?

ШЛЮХА Жену небось кличет.

ПРОФЕССОР Где я?

НАДЗИРАТЕЛЬ Ты въехал в вечность на телеге, папаша. Поздравляю!

ПРОФЕССОР В кого въехал?... о боже, я вспомнил. Телега, Морхидея, флейта...

ШЛЮХА А что-нибудь еще ты помнишь?

ПРОФЕССОР Еще? Эээ, а что еще? Аааа, башка раскалывается.

НАДЗИРАТЕЛЬ Еще бы, так нажраться. Ты же ведь...

МУЗЫКАНТ Тихо. Дадим ему шанс. Он должен все вспомнить сам.

НАДЗИРАТЕЛЬ Тебе повезло, химик. Шанс дается не всем.

ПРОФЕССОР Что? Что с моими руками?

НАДЗИРАТЕЛЬ Вспоминай.

ПРОФЕССОР Развяжите меня!

НАДЗИРАТЕЛЬ Вспоминай!

ПРОФЕССОР Хватит. Я вспомнил. Развяжите меня.

НАДЗИРАТЕЛЬ Не могу.

ПРОФЕССОР Но я же вспомнил.

НАДЗИРАТЕЛЬ Вот и я забыть не могу.

Надзиратель поднимается и замахивается, чтобы ударить профессора.

МУЗЫКАНТ Стой! Не делай этого.

НАДЗИРАТЕЛЬ Почему? Почему я должен жалеть его? Эта дрянь собиралась убить меня. И тебя, кстати. А теперь я имею полное право сделать с ним все, что захочу. Мы одни на Ялмезе. Больше никого нет. Закон – это мы, как ты не догоняешь?

МУЗЫКАНТ Он жалкий и мерзкий. Но он... черт, все, что приходит в голову, кажется громким и фальшивым. Я не могу сказать. Просто... если мы что-то сделаем с ним... потом... мы уже никогда не станем прежними. Черт. Почему все слова, которые созданы, чтобы сказать что-то важное, такие пошлые? Такие пошлые. Как тебя зовут?

ПРОФЕССОР Да, да, послушай нашего дорогого музыканта, ты сейчас просто завелся, а когда остынешь...

МУЗЫКАНТ Помолчи, профессор. Я сам не знаю, зачем это делаю, подлый ты слизняк.

НАДЗИРАТЕЛЬ Захар.

МУЗЫКАНТ Я всегда защищал жалких и трусливых. Таких же, как я. А теперь я думаю, может, зря я это делал? А? Может, зря?

ПРОФЕССОР Что ты, что ты?!!

МУЗЫКАНТ Ты жалкий и слабый. Но только когда видишь угрозу. Как только она пропадает – случается чудесная метаморфоза. Что это, а? на самом деле никакой ты не безобидный старичок. Ты – садист, нелюдь! А слизняк – очень удобное прикрытие! Может быть, внешняя грубость – тоже маска? Только скрывает она что-то по-настоящему человеческое? Человеческая маска скрывает нелюдей, под маской зверя прячется человек. Может так, а?

Музыкант со всей силы бьет профессора ногой.

МУЗЫКАНТ Я такой же, как ты! (удар) Такой же ублюдок! (удар) Такой же! (удар)

Надзиратель оттаскивает музыканта от стонущего от боли профессора.

ПРОФЕССОР (ОТДЫШАВШИЙСЯ) Ты абсолютно прав! Мы одинаковые! Ахххахаха! Абсолютно прав! (смеется)

Профессор кричит и корчится от боли. Музыканта мучают эти звуки. Музыкант берет флейту, не отвязывая ее от палки, и пытается заглушить речь профессора. Но вместо музыки получается какофония, музыкант никак не может сосредоточиться.

ПРОФЕССОР Ну что, нашел ты там человека? А? Нашел? Под маской зверя-то? Ни хрена ты там не нашел! А знаешь, почему? Ты хочешь быть другим, хочешь быть

хорошим! Мы все хотим быть хорошими! Мол, маска – это кто-то другой, ты настоящий – совсем не такой! Хрень собачья! Все чушь! Когда ты ее снимаешь-то? Вспомни, когда последний раз снимал? Внутри, снаружи, маски, игры – все чушь собачья. Мы из них не вылезаем. И никто не знает уже, что там внутри осталось настоящего. И знаешь, что самое забавное? Снять ее и увидеть, что все это время там и был ты! Сначала ты хороший, потом плохой, потом снова хороший. И где же ты настоящий? Что из этого маска? Ты уже не знаешь. Ты только надеешься на что-то, на свои фантазии, на свои идеалы. Но ты не знаешь.

Профессор снова стонет от боли. Беременная забирает у музыканта хваталку и садится с ней на краешек телеги, словно рыбак с удочкой.

НАДЗИРАТЕЛЬ Давайте подумаем, что нам теперь делать. Давайте... остынем.

ПРОФЕССОР Вот уж не ожидал от тебя такой выдержки.

ШЛЮХА Может, нам всем немного поспать?

ПРОФЕССОР Слушайте, ребятки. Пожалуйста, развяжите мне руки. В честь нашей прежней дружбы.

НАДЗИРАТЕЛЬ Зачем?

ПРОФЕССОР Мне плохо. Клянусь. У меня что-то с желудком. Мне нужно засунуть себе два пальца в рот.

НАДЗИРАТЕЛЬ А так что, не сможешь?

ПРОФЕССОР Так вот, нас сухую? Нет. Мало воды, нужно спровоцировать первый приступ.

НАДЗИРАТЕЛЬ Руки я тебе не могу развязать, пойми. Не могу. Веры тебе больше нет.

ПРОФЕССОР Да в чем проблема-то? Ну, выпил лишнего, с кем не бывает.

МУЗЫКАНТ Господи, да ты же хотел убить нас!

ПРОФЕССОР А ты что же, никого из нас не хотел убить за все это время? Это был сбой подсознания, которое всю жизнь сидело на цепи и вдруг почувствовало, что его больше ничто не держит.

МУЗЫКАНТ Выходит, подсознание – это пес? У кого-то мопс, а у кого-то людоед?

ПРОФЕССОР Ты не знаешь, как бы повел себя в этой ситуации ты. Хотя нет. У тебя больше нет уверенности в собственной правильности.

ШЛЮХА Слушала, слушала я вас профессор, и подумала. Вот вы тут лежите, оправдываетесь, теории разные строите, говорите красивые слова. А ведь вы даже не

попросили прощения. Выходит, вы не раскаиваетесь.

ПРОФЕССОР Опять ты... господи, да как же тебе мозги-то вправить! Сколько можно сосать пустышку? Религия была нужна, чтобы утешить нищих. Но сейчас-то зачем весь этот цирк?

ШЛЮХА А религия тут ни при чем. Просто по-человечески.

ПРОФЕССОР Ох, девочка, это все юношеский максимализм.

ШЛЮХА Мой отец так всегда говорил. Думал, что выглядит в этот момент авторитетно. Вы думаете, что возраст дает вам превосходство. Еще бы, опыт и все такое. Но на самом деле, возраст дает только смирение.

ПРОФЕССОР Так это ж суть твоей религии.

ШЛЮХА Именно это мне в ней не нравится.

МУЗЫКАНТ Сомнение - это первый шаг к собственной смерти. И возрождению. Нет больше тропинок в темном лесу. Нет больше навязчивого птичьего пения. Есть темнота и тишина. Ничто больше не будет отвлекать. И это самое страшное.

ШЛЮХА Я не понимаю, о чем ты.

МУЗЫКАНТ И ШЛЮХА Это неважно.

ШЛЮХА Я люблю свою молодость. Я не хочу соглашаться с чем-то только потому, что это существует дольше. Это идиотизм.

МУЗЫКАНТ Умница, девочка.

ШЛЮХА Я не хочу мириться. Пусть даже это глупо. Я успею еще сделать это. Если хватит времени. Но почему, почему вы... опытные, блин, почему вы уверены, что в конце всех ждут скотство и циничность? Почему, если максимализм – то сразу юношеский? Максимализм – это что, какое-то проклятие молодости? Что за связь? Тогда, если максимализм кончился – кончилась ваша молодость. Вот что. Вы не зрелый. Вы просто старый. Вы хотите, чтобы все застыло в ваших понятиях. В них вы чувствуете себя королем! Это ваше царство, где всё подчиняется вам, и здесь не может быть никакого бунта. Бунт – это ваш конец, поэтому вы смеетесь над ним. Смеетесь над тем, чего боитесь. Что ж, испытанное оружие. Пока есть вы, есть и эта ваша, как вы говорите... здоровая циничность. Как вам кажется, это от широты взглядов. Но стоп. А может, все наоборот? И ваш опыт взял вас в заложники, а? Вы просто закоснели, а вам кажется, что вы познали жизнь. Но вы просто прожили 40, 50 сколько там вообще сейчас можно прожить, 60 лет, и увидели малюсенький кусочек этой жизни, точно такой же, а может и меньше, чем мы. Но вы думаете, что видите больше, потому что смотрите дольше. Зато у нас шея гибче, понятно вам?

ПРОФЕССОР Пожалуйста, я умоляю вас... развяжите меня.

Все, кроме беременной, собираются вокруг профессора.

НАДЗИРАТЕЛЬ Давайте я вам свои пальцы в рот засуну.

ПРОФЕССОР Я умоляю.

ШЛЮХА Почему мы должны вам верить?

Музыкант, надзиратель и шлюха медленно идут по кругу, образуя как бы хоровод.

ПРОФЕССОР Я не могу больше. Мне очень плохо.

МУЗЫКАНТ А что, если вы опять захотите убить нас?

ПРОФЕССОР Господи, помоги!

ШЛЮХА Почему вас не тошнило тогда? Когда всех тошнило?

ПРОФЕССОР Я не знаю!

НАДЗИРАТЕЛЬ Вы же не ели мяса!

ПРОФЕССОР Это что-то другое.

ШЛЮХА Что вы ели такого, чего не ели мы?

МУЗЫКАНТ Думайте!

НАДЗИРАТЕЛЬ Вспоминайте!

ШЛЮХА Скажите, и мы сразу же вас разяжем!

ПРОФЕССОР Господи! Скоты! Убийцы! Убийцы!

МУЗЫКАНТ Ответ неправильный.

Тройка смеется над шуткой музыканта. Профессор стонет.

ПРОФЕССОР Грибы. Господи. Я ел грибы. Из банки. Вы ели мясо. И не ели грибов. А я ел. Зачем? Зачем? Как хочется жить. Господи, как хочется жить! Я был таким дураком. Я был...

Сказав это, профессор содрогается и умирает.

Друзья застывают в тех положениях, в которых застала их смерть профессора.

ШЛЮХА Профессор?

Все трое растеряны и по-прежнему не могут пошевелиться.

Беременная кладет удочку на край телеги и подходит к профессору. Она освобождает его руки от шали и укрывает его этой самой шалью, словно саваном.

Беременная уводит растерянных путников подальше от профессора и устраивает их на краю телеги. Она вкладывает удочку в руки музыканту и возвращается к профессору.

Пока эти трое сидят и рассеянно смотрят в темноту, беременная занимается телом профессора: снимает с него одежду и обувь, проверяет карманы. Усмехается, найдя в одном из них кошелек с деньгами.

За каждым словом в диалоге сейчас стоят тоска и чувство вины, от которых участники разговора пытаются безуспешно избавиться.

МУЗЫКАНТ Морхидея – большой магазин был?

НАДЗИРАТЕЛЬ Да нет... ну как... средний. Был в клубе «оранжевый страус»?

МУЗЫКАНТ Да.

НАДЗИРАТЕЛЬ Ну вот с него примерно.

МУЗЫКАНТ Аааа.

ШЛЮХА А помните как в страусе пахло всегда? Пчелиным воском.

НАДЗИРАТЕЛЬ О, да!

МУЗЫКАНТ Наверное, они это делали, чтобы аппетит возбуждать у гостей.

ШЛЮХА Наверное.

Снова повисает нелегкая пауза.

Вдруг что-то цепляется за удочку музыканта.

Это – радиоприемник.

НАДЗИРАТЕЛЬ Ого. Вот это улов.

ШЛЮХА Боже, какое старье. То есть винтаж.

МУЗЫКАНТ Да уж.

НАДЗИРАТЕЛЬ Работает?

МУЗЫКАНТ Проверить надо.

Музыкант крутит приемник и так, и эдак, но приемник никак не включается.

ШЛЮХА Может, вон та кнопочка?

МУЗЫКАНТ Да нет, это вроде громкость.

НАДЗИРАТЕЛЬ Дай-ка.

Музыкант отдает аппарат надзирателю.

НАДЗИРАТЕЛЬ А, ну все понятно. Батарейки нужны.

Все трое замолкают. Как будто одновременно вспомнив что-то, они синхронно поворачивают головы в сторону тела профессора.

Беременная слышит, о чем остальные говорят. Она запускает руку в один из карманов профессора и протягивает шлюхе батарейки. Шлюха неуверенно забирает батарейки и отдает их надзирателю. Он вставляет батарейки в приемник.

НАДЗИРАТЕЛЬ Блин, че-то все равно не того.

МУЗЫКАНТ Дай-ка.

Надзиратель отдает приемник обратно музыканту.

МУЗЫКАНТ Странно. Вроде правильно стоят.

ШЛЮХА Давай еще раз вот эту ручку покрутим.

Шлюха крутит ручку громкости. Ставит на максимум.

МУЗЫКАНТ Теперь на максимуме. А музыки все равно нет.

НАДЗИРАТЕЛЬ Так это ж приемник. Не магнитофон. Надо волну поймать.

МУЗЫКАНТ Кстати.

Путники, как дети, все вместе возятся с новой игрушкой. Беременная наблюдает за ними. Внезапно из динамиков радиоприемника раздается песня Леонида Утесова «У меня есть сердце».

Все усаживаются в круг. Пока звучит песня, над телегой опускается ночь. В темноте мы слышим, как кто-то разводит костер, видим блики пламени, которые позволяют разглядеть только отдельные фрагменты некоего действия, смысл которого нам пока неясен. Песня же заглушает характерный звук распиливания какого-то предмета.

Когда песня стихает, снова становится светло.

Профессорское тело, укрытое шалью, передвинуто на край телеги. Только оно приняло странную форму. Как будто профессор свернулся калачиком.

Беременная готовит еду на костре, дожаривая что-то на шампуре-линейке. Один из контейнеров профессора заполнен маленькими кусочками мяса почти до краев.

Надзиратель и шлюха спят, музыкант притворяется, что спит, а сам то и дело поглядывает на беременную и ее «кухню».

Беременная все-таки замечает, что музыкант проснулся и кивком головы приветствует его.

МУЗЫКАНТ Доброе утро. Вы что-то приготовили?

Беременная протягивает ему шампур с кусочком на конце.

МУЗЫКАНТ Что это? Мясо? То, которым мы уже отравились?

Беременная качает головой. Она съедает один из кусочков сама и уже более настойчиво предлагает шампур музыканту.

Музыкант с аппетитом съедает кусочек.

МУЗЫКАНТ Черт, как вкусно! Это вы наловили?

Беременная делает вид, что не слышит, сосредоточившись на приготовлении остальной пищи.

Просыпаются остальные.

МУЗЫКАНТ Доброе утро!

НАДЗИРАТЕЛЬ Ага.

ШЛЮХА Привет!

НАДЗИРАТЕЛЬ Чем это так вкусно пахнет?

МУЗЫКАНТ Наша хозяйюшка приготовила очень вкусный шашлык.

ШЛЮХА Мы же зарекались мясо есть!

МУЗЫКАНТ Но это свежее. У него и запах другой. Вкус похож, такой же сладковатый. А запах другой. И мягче оно. Совсем свежее как будто.

НАДЗИРАТЕЛЬ Ну-ка, дай попробовать.

Надзиратель съедает поджаристый кусочек из контейнера.

НАДЗИРАТЕЛЬ Ммм, божественно! Просто офигенно! Спасибо! Да ты у нас повар!

Беременная горячо кивает в знак согласия.

Шлюха тоже пробует кусочек.

ШЛЮХА Да. Супер!

Она берет еще несколько кусков, жует их на ходу. Подходит к профессору.

ШЛЮХА Писать хочется. Можете шаль натянуть?

Шлюха срывает с профессора шаль и...

ШЛЮХА Аааааа! Твою мать! Ааааа!

Она бросает шаль обратно и в шоке отбегает назад.

НАДЗИРАТЕЛЬ Да че ты, блин?!! Оглушила! Чего ты там увидела?

ШЛЮХА Профессора.

НАДЗИРАТЕЛЬ Да. Надо бы его отсюда...

ШЛЮХА Нет. Его там нет.

НАДЗИРАТЕЛЬ И чего же орать тогда?

ШЛЮХА Его нет. Но там его голова.

Путники перестают есть.

НАДЗИРАТЕЛЬ Где ты взяла это мясо?

Беременная делает вид, что занята костром.

НАДЗИРАТЕЛЬ Отвечай!

Беременной приходится отвлечься от костра. Она подходит к надзирателю, дожевывая кусок шашлыка, сдергивает шаль с профессорской головы и отправляет эту голову в бездну.

ШЛЮХА Я так и знала.

МУЗЫКАНТ Мы больше не люди.

НАДЗИРАТЕЛЬ Перестань. У нас нет выбора.

ШЛЮХА Как бы там ни было, я это жрать не буду.

НАДЗИРАТЕЛЬ Уже, дорогуша, уже!

ШЛЮХА Но больше не буду.

НАДЗИРАТЕЛЬ Это уже не имеет значения. Как не имело и до того, как ты откусила профессору, возможно, ляжку. Или крылышко.

ШЛЮХА Почему это?

НАДЗИРАТЕЛЬ Потому что мы не маньяки. Потому что обстоятельства имеют значение. Всегда. Ты не можешь просто взять и выбросить их, как дырявые носки. Там, в том мире, мы никогда не брали их в расчет. Важен результат! Хватит оправданий! Обстоятельства для неудачников! Да пошли вы все! Черта с два! Обстоятельства – это главное! Притяжение – это обстоятельство? Да! А не уметь дышать под водой? Обстоятельство? Конечно! Мы к ним привыкли и поэтому кажется, что их нет. А самооборона? Обстоятельство? Нееет. Важен только итог. Да пошли вы!

ШЛЮХА О чем ты?

НАДЗИРАТЕЛЬ Неважно. Только обстоятельства и имеют значение. Запомни. Мы не убивали его, чтобы съесть. Но мы съедим его, потому что он умер. И твой отказ не делает тебя лучше или хуже, он делает тебя голоднее... и глупее. (музыканту) Не это делает нас людьми.

МУЗЫКАНТ А что же?

НАДЗИРАТЕЛЬ Я не знаю. Но я нутром чую, что в этих рассуждениях какая-то западня.

Разозлившись, беременная берет контейнер и собирается высыпать все в это в бездну.

МУЗЫКАНТ, ШЛЮХА, НАДЗИРАТЕЛЬ (ОДНОВРЕМЕННО)

Стой!

Беременная смеется и ставит контейнер на место.

НАДЗИРАТЕЛЬ Вот тебе и ответ на все вопросы. Расслабься, музыкант. Мы похожи больше, чем ты думаешь.

Музыкант медленно, на трясущихся ногах, опускается на телегу. Шлюха садится рядом.

Надзиратель и беременная съедают еще несколько кусочков.

Беременная подбрасывает несколько поленьев в огонь и укладывается на шаль. Рядом лежат остатки рукописи профессора, прижатые планшетом.

Надзиратель крутит в руках приемник, пытаясь поймать волну. Но там одни помехи.

Телега въезжает в туман. Надзирателю наконец-то удается поймать какую-то волну. Это та же самая песня Утесова.

НАДЗИРАТЕЛЬ Видать, какой-то диджей завел перед самой смертью. Она одна и осталась в вечности. Нормально так, случайно стал бессмертным, едрить тебя в душу.

Внезапно шлюха раздражается громким смехом.

НАДЗИРАТЕЛЬ Чтоб тебя! Напугала. Че ржешь?

ШЛЮХА Да я вспомнила, что готова была слона сожрать.

НАДЗИРАТЕЛЬ И че?

ШЛЮХА А у профессора кличка была Слон!

НАДЗИРАТЕЛЬ Ну?

ШЛЮХА Ну вот мы и сожрали слона! Аххахахаха!

До надзирателя, наконец, доходит. Он подхватывает смех. Беременная тоже беззвучно смеется.

Телега попадает в туманное облако, и мы не видим, что на ней происходит. Когда туман спадает, у костра оказываются надзиратель со шлюхой, жадно поедающие кусочки мяса. Музыкант видит это, но никак не комментирует. Он отворчачивается и смотрит на сменяющиеся пейзажи.

МУЗЫКАНТ Вот я и увидел себя настоящего.

ШЛЮХА Перестань. Что изменилось?

МУЗЫКАНТ Ты права. Ничего не изменилось. Все эти разговоры нужны были только для того, чтобы оправдать, уговорить себя. Ты права, это игра в поддавки с самим собой.

ШЛЮХА Че? Я ничего такого не говорила.

МУЗЫКАНТ (ПРОДОЛЖАЕТ, НЕ СЛУШАЕТ ЕЕ) Ты заранее знаешь, что сделаешь, но оставляешь себе островок – еще одну секундочку, чтобы побыть супергероем. И знаешь, весь фокус в том, что я почти поверил. Поверил в свое превосходство. Я ханжа. Ты – моя бамбуковая палочка.

ШЛЮХА Ну, спасибо, блин.

НАДЗИРАТЕЛЬ А ведь хороший был виски, а?

ШЛЮХА О, дааа...

Все смолкают и с надеждой смотрят вниз, явно выискивая новую бутылочку виски. Все, кроме музыканта. Он уселся отдельно ото всех и чистит флейту специальным ершиком.

ШЛЮХА Кстати, вам не показалось, что у мяса был знакомый вкус?

НАДЗИРАТЕЛЬ Показалось еще как.

ШЛЮХА Выходит, тогда мы... ели...

НАДЗИРАТЕЛЬ Давайте уже о чем-нибудь другом поговорим, а?

ШЛЮХА Знаешь, чего мне сейчас хочется больше всего на свете?

НАДЗИРАТЕЛЬ Виски?

ШЛЮХА В горячую ванну!

Беременная горячо кивает в знак поддержки.

НАДЗИРАТЕЛЬ А мне здесь даже нравится.

ШЛЮХА Не гони!

НАДЗИРАТЕЛЬ Да нет, правда. Мы свободны.

ШЛЮХА К черту такую свободу!

НАДЗИРАТЕЛЬ Ты не знаешь, о чем говоришь.

ШЛЮХА Пусть так. Но я бы с удовольствием променяла такую свободу на горячую ванну, мягкую кровать, бутылку вина и какой-нибудь классный фильм.

НАДЗИРАТЕЛЬ Но у нас все еще есть наше воображение!

ШЛЮХА (СМЕЯСЬ) Да иди ты!

НАДЗИРАТЕЛЬ Слушай... а почему ты стала эээ...

ШЛЮХА Проституткой? Никогда не задумывала. Для меня это просто работа. Ну знаешь, как некоторые каждое утро идут в офис. А я каждую ночь на улицу. Это мой офис. (смеется)

НАДЗИРАТЕЛЬ А если серьезно?

ШЛЮХА Я люблю секс. И больше ничего не умею. Конечно, не об этом я мечтала в детстве. Но... все это в прошлом. И давай не будем об этом. Знаешь, я, кажется, поняла, о какой свободе ты говоришь.

НАДЗИРАТЕЛЬ О какой же?

ШЛЮХА Свободе от прошлого. От себя. От похотливых и брезгливых взглядов, к которым привык. От человека со всеми причиндалами, ну всего такого успешного, ты понимаешь о чем я, которым тебе никогда не стать. От тряпок, вообще, от вещей, без которых ты не ты, а хрен собачий, понял, да? От доказывания собственной нужности всяким тупым недостойным тебя тварям и от вечного ощущения НЕ нужности. От этой... как ее... от репутации. Ну, вроде как от запаха гнилого, который всегда с тобой, как ни мойся. От мужского самолюбия и культа члена. От тупости. От одних и тех же слов и одних и тех же ресторанов, рядом с одними и теми же отелями. От романтики, которую все юзают. От родителей, которых никто не просил рожать тебя. От всей этой поганой системы, из которой хрен выберешься, потому что некуда. От законов, которые типа не для всех, а для избранных. А избранный всегда ты, потому что у тебя нет бабла. От безмозглых проституток, таких же, как я! Здесь все вроде как... сначала, а?

НАДЗИРАТЕЛЬ Возможно.

Надзиратель пытается поцеловать шлюху. Она отталкивает его и отсаживается к музыканту, который, похоже, постепенно сходит с ума – он все еще оголтело надраивает флейту.

НАДЗИРАТЕЛЬ Ну ладно, всему свое время. Я, кажется, понял, почему на телеге собрали именно нас. Мы все зануды!

Внезапно телегу начинает трясти.

ШЛЮХА Черт, что это?

НАДЗИРАТЕЛЬ Неужели опять началось? Зона тутуту! Держииись!

Телега накрывается на один бок. Путники хватаются за противоположный и висят в таком положении. Угол наклона меняется, друзьям становится чуть легче удерживаться на телеге. Теперь она медленно раскачивается.

НАДЗИРАТЕЛЬ Да что ж такое!

МУЗЫКАНТ Каруселька!

Флейта катится вниз, в последний момент беременная хватается ее.

МУЗЫКАНТ Спасибо, дорогая!

От телеги отсоединится еще один блок, и она принимает прежнее положение.

НАДЗИРАТЕЛЬ Блин!

МУЗЫКАНТ Ну что, моя очередь?

НАДЗИРАТЕЛЬ Да погоди ты. Не криминально же.

МУЗЫКАНТ Ну как же! Помнишь? Выживание вида важнее, чем...

НАДЗИРАТЕЛЬ Не обобщай, придурок! Сейчас все по-другому.

МУЗЫКАНТ А по-моему, точно так же.

ШЛЮХА Прошу вас, давайте не будем выяснять отношения. Сейчас, когда мы реально друг другу нужны.

МУЗЫКАНТ Друг другу? Возможно, с точки зрения биологии. Симбиоз и все такое. Но есть что-то во мне, что сильнее биологии. Я больше ни в чем не уверен и перестал узнавать себя. Я понятия не имею, какой зверь проснется во мне в следующий раз. Я избивал профессора, когда он был беззащитен. Во мне не шевельнулось ничего, когда он умирал, а мы водили вокруг него хороводы, как стервятники-эстеты. А потом мы сожрали его. И эти фальшивые угрызения совести. Все во мне фальшивое. Я не испытываю никаких чувств. Я говорю что-то, потому что привык так говорить. Но уже очень давно все во мне умерло. Мне на все наплевать. Хотите правду? Профессор был прав. Я хотел бы, чтоб все вы сдохли. Я презираю вас и презираю себя, потому что я такой же. Нет, я хуже вас. Я фальшивлю в собственные уши. Я хотел, чтобы вы все сдохли. И не знаю, что сделал бы на месте профессора. Может быть. Я пошел бы дальше. Может быть. Я урод, эгосит, человеконенавистник, слизняк, вор, убийца и насильник. Но все это внутри. Внутри, понимаете? Я давно уже мертв. Я увидел свою ночь. Я думал, что просветленный. Боже, я считал себя просветленным. Сесть в позу, растопырить глаза широко-широко и напустить на себя блаженный вид – это просто прикольная игрушка, вот и все. В комфорте трудно не казаться себе просветленным. Но... я первым закричал, чтобы мясо не выбрасывали. Все мои теории рухнули в этот момент. Не выкидывайте мясо! Вот и весь мой итог. Мы одинаковые? Да. И для меня это конец.

Музыкант спрыгивает с телеги. Надзиратель и шлюха пытаются его спасти, но беременная останавливает их.

В ЗАТЕМНЕНИЕ

ИЗ ЗАТЕМНЕНИЯ

3 АКТ.

На телеге остались трое – шлюха, беременная и надзиратель.

Они наводят на телеге порядок после недавней «аварии».

НАДЗИРАТЕЛЬ Давайте просто не будем говорить об этом. И вспоминать. Никогда.

ШЛЮХА Как про дурачка? Слушай. Это глупо. Ты первым заговорил о нем. Значит, ты думаешь об этом. Получается. Давайте не будем говорить о том, о чем я думаю? Ты не можешь приказать себе забыть что-то. Ты можешь только попытаться заставить сделать это других. Но я не хочу снова врать. Я думаю об этом. И помню.

НАДЗИРАТЕЛЬ Ты беспощадна.

ШЛЮХА Я просто устала.

НАДЗИРАТЕЛЬ Ладно, давайте так. Я тоже все время об этом думаю. Но от этого мне только хуже. Не будем, как он там сказал, играть в поддавки. Мысли есть. Но давайте попробуем от них отвлечься. Как-то равеселить себя. А то совсем тошно.

ШЛЮХА Как? В шарады поиграем?

НАДЗИРАТЕЛЬ А, ладно, забей.

Надзиратель отходит вглубь телеги. Включает приемник. На той же волне звучит та же самая песня.

Беременная подсаживается к шлюхе, обнимает ее и укрывает себя и подругу шалью.

Темнеет.

Сквозь музыкальные аккорды доносятся всхлипывания.

Шлюха подсаживается к надзирателю, гладит его по голове, утешает.

ШЛЮХА Тише, тише. Все будет хорошо.

НАДЗИРАТЕЛЬ Он ведь стал мне другом. Пусть он был гомиком, но я любил эту сволочь. По-своему, любил.

ШЛЮХА Любил.

НАДЗИРАТЕЛЬ (ПРИВСТАВ) Как друга.

ШЛЮХА Да я поняла.

НАДЗИРАТЕЛЬ Мне даже его не хватает. Не думал, что пидор может стать другом.

ШЛЮХА И не такое случается.

НАДЗИРАТЕЛЬ Ты меня не слушаешь. А и ладно. Все равно люди никогда не говорят друг с другом.

ШЛЮХА А как же они говорят?

НАДЗИРАТЕЛЬ Сами с собой. А второй нужен только для того, чтобы психами себе не казаться.

ШЛЮХА Ааа... спать хочется.

НАДЗИРАТЕЛЬ Давайте ложиться. Ты будешь?

Беременная качает головой, отдает друзьям шаль, а сама отсаживается к догорающему костерочку.

Шлюха и надзиратель попадают в луч света, беременная остается в тени.

Шлюха гладит надзирателя по голове, он целует ее руку, они укрываются шалью с головой. Свет переходит на беременную. Она сидит у костра, положив руку на живот и задумавшись о чем-то. Под шалью слышна возня и – на силуэтах – едва различимые движения. Надзиратель выныривает из-под шали.

НАДЗИРАТЕЛЬ Иди к нам.

Беременная только ухмыляется в ответ.

НАДЗИРАТЕЛЬ Да иди ты под шаль, замерзнешь.

Из-под шали высовывается шлюха.

ШЛЮХА Иди к нам. Не бойся. Будем греться.

Беременная осторожно забирается под шаль, оказавшись впереди всех. Шлюха обнимает ее. Надзиратель укрывает всех троих с головой, включает песню в приемнике. Свет направлен на тлеющие угли. Силуэты под шалью снова двигаются, сквозь музыку едва слышны слабые стоны.

Ярко светит луна. Путники не замечают, как от платформы отсоединяются сразу два блока, с двух противоположных сторон.

В бездну проваливается костер, рукописи профессора, его планшет и остальные вещи. Остается только рюкзак музыканта, сумочка шлюхи и кое-какие вещи надзирателя.

Беременная просыпается первой. Она едва не проваливается в бездну, попытавшись встать.

Оценив обстановку, беременная не спешит будить друзей. Она прячет под одеждой нож надзирателя и бутылку. Едва беременная успевает сделать это, как ее друзья просыпаются.

НАДЗИРАТЕЛЬ Ого, ни хрена себе! Когда только успела?

ШЛЮХА Телега наша тает на глазах. Как какая-то льдина.

Надзиратель что-то ищет в оставшихся вещах.

ШЛЮХА Чего потерял?

НАДЗИРАТЕЛЬ Да чего-то... нож свой не могу найти.

ШЛЮХА Упал, наверное, вместе с остальным барахлом.

НАДЗИРАТЕЛЬ Вот блин. Жалко. Хороший был ножик. Острый. И рукоять удобная. Невезуха!

ШЛЮХА Ага, опомнился! И так, шоу невезуха начинается!

Надзиратель пытается усесться. Но это не так-то просто сделать. Места очень мало.

НАДЗИРАТЕЛЬ (БЕРЕМЕННОЙ) Подвинься, я не такой стройный, как ты. (осекается) ой, привык девушкам так говорить.

Беременная подвигается.

НАДЗИРАТЕЛЬ Спасибо.

ШЛЮХА (смотрит на часы) Уже давно должно быть светло.

НАДЗИРАТЕЛЬ Да ты видишь, тут правила все время меняются.

ШЛЮХА Вот бы знать, где мы сейчас.

НАДЗИРАТЕЛЬ Главное, чтоб мы на северный полюс не приехали.

Прямо на глазах у путников, почти беззвучно, от телеги отваливается еще один блок.

Никто не пытается его удержать, все сидят, как сидели, даже не вздрогнув.

ШЛЮХА (невозмутимо) Да задолбала уже...

Телега издает страшные звуки. Надзиратель замечает, что блок под ним шатается. Он переступает на сторону, где сидят женщины. Втроем на нем невозможно сидеть. Кто-то один должен стоять.

ШЛЮХА Здесь очень тесно.

НАДЗИРАТЕЛЬ Я туда не пойду. Видишь, там телега по швам трещит?

ШЛЮХА Вижу.

НАДЗИРАТЕЛЬ Ох, милая, прости. Прости меня, господи. У меня нет выбора.

Надзиратель хватается беременную за горло и душит. Из-под шали ее выкатывается бутылка. Шлюха подбирает бутылку.

НАДЗИРАТЕЛЬ Давай, давай, скорее.

Шлюха колеблется.

НАДЗИРАТЕЛЬ Чего ты ждешь? Помогите мне! Она видишь, какой боец! Или мы, или она. У нас нет выбора. А мы с тобой положим начало новой жизни, заселим вселенную своим родом, мы с тобой избраны...

ШЛЮХА Ты снова стал говорить, как безумный! В момент кризиса ты ведешь себя, как обыкновенное дерьмо! Оно прет из тебя, как фонтан, который ты не можешь больше сдерживать. Ты и есть дерьмо, и никогда не переставал им быть!

НАДЗИРАТЕЛЬ Что за бред ты несешь? Ты, тупая шлюха?! Или тебя еще раз трахнуть, чтоб мозги на место встали?

Шлюха берет бутылку и, секунду поколебавшись, разбивает ее о голову надзирателя. На подкосившихся ногах он поворачивается к шлюхе.

Беременная реагирует молниеносно: она вонзает в ногу надзирателя нож. Мужчина, молча, падает на колени. Беременная ищет, чем бы добить надзирателя... берет флейту и вонзает ее в шею мужчины.

НАДЗИРАТЕЛЬ Спасибо. Черт. Да. Я... такой.

Шлюха сталкивает надзирателя с телеги. Женщины садятся на край, свесив ноги. По щеке шлюхи скатывается слеза. От телеги осоединяется расшатанный блок. Светает.

У беременной отходят воды. Она кладет руку на плечо шлюхи.

ШЛЮХА Черт. Я поняла.

Шлюха включает радиоприемник. Укрывает нижнюю часть тела женщины шалью и принимает у нее роды. Сквозь музыку доносятся мучительные крики и стоны женщины, а также ободряющие слова шлюхи, вроде «тужься», «дыши» и пр.

Песня заканчивается. Темнеет. Раздается младенческий плач.

ШЛЮХА Это мальчик.

Шлюха заворачивает ребенка в шаль и отдает едва живой матери.

Телега теперь состоит из двух с половиной блоков. Один побольше, второй в два раза меньше, а третий – совсем малюсенький, на котором взрослый человек поместится только

стоя.

Большие блоки поделили между собой шлюха и мать с младенцем. Шлюха беспокойно спит. Мать замечает, что соседний блок раскачался. Проверяет его на прочность. Он того и гляди отвалится.

Шлюха просыпается в тот момент, когда блок держится буквально на волоске. Она протягивает руки к подруге. Та тянет руки в ответ, чтобы помочь подруге. Но вдруг младенец издает звук во сне, и женщина останавливается.

Блок, вместе с сидящей на нем шлюхой, уносится куда-то в бездну.

ШЛЮХА За что?!!

Женщина не может смотреть подруге в глаза. Она отворачивается, видит своего ребенка... и успокаивается.

Кругом расстилается кромешная темнота, даже луны не видно.

Неизвестно откуда проступает тоненький лучик света, в котором мы видим лишь лицо женщины.

Она укачивает своего ребенка.

Вдруг она с ужасом смотрит чуть в сторону.

Луч света переходит с ее лица на линию соединения двух блоков. Это же – крупным планом на проекции позади. Большой блок расшатан настолько, что того и гляди отсоединится. Причем, на экране отчетливо видно, что продолжит движение именно маленький блок, т.к. большой блок кренится и виляет. Женщине уже физически некомфортно находиться на своей части телеги. Она переходит на соседний блок. Большой блок отваливается и исчезает в темноте, как и все предыдущие.

Из всех вещей остаются только флейта и радиоприемник.

На блок нельзя ни сесть, ни уж тем более лечь. Можно только стоять.

Она смотрит на то, что осталось от телеги. Крупно на экране - блок продавливается под тяжестью ее тела. Он не рассчитан на такой вес.

Доски под ними трещат все опаснее.

Мать с сыном на руках на огромной скорости несутся по миру.

Младенец громко плачет.

Мать поет ему колыбельную. Ребенок успокаивается.

Женщина аккуратно укладывает свиток на остатки телеги. И спрыгивает в бездну.

Свет гаснет. Постепенно смолкает и музыка. Несколько секунд зрители сидят в полной темноте и тишине.

Вдруг раздается характерный шум радиопомех.

ГОЛОС ИЗ РАДИОПРИЕМНИКА (обращенный в зрительный зал)

Эй, кто-нибудь! Я жив, я живой! Я здесь, на радиостанции! Остались еще люди? Эй, ответьте кто-нибудь! Остались люди?!!!

Занавес закрывается.

КОНЕЦ